

M-57

**ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅՈՒՆ
ՊԱՇՏՊԱՆՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱՐԱՐՈՒԹՅՈՒՆ**

**ԴՐԱՍՏԱՄԱՏ ԿԱՆԱՑԱՆԻ ԱՆՎԱՆ ԱԶԳԱՅԻՆ ՌԱԶՄԱՎԱՐԱԿԱՆ
ՀԵՏԱԶՈՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ**

ՄԵՐԳԵՑ ՄԱՍԻԿՈՆԻ ՄԻՆԱՍՅԱՆ

ԶՄՊՈՒՄԸ ՂԱՐԱԲԱՂՑԱՆ ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

ԻԳ.00.04 - «Միջազգային հարաբերություններ»
մասնագիտությամբ քաղաքական գիտությունների դոկտորի
գիտական աստիճանի հայցման սերտագիր

ԵՐԵՎԱՆ - 2013

**РЕСПУБЛИКА АРМЕНИЯ
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ**

**ИНСТИТУТ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ИМЕНИ ДРАСТАМАТА КАНАЯНА**

СЕРГЕЙ МАМИКОНОВИЧ МИНАСЯН

СДЕРЖИВАНИЕ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Автореферат на соискание ученой степени
доктора политических наук по специальности
23.00.04 - «Международные отношения»

ЕРЕВАН - 2013

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблематика военно-политического и политико-дипломатического сдерживания, ввиду ее особой роли в качестве ресурса обеспечения региональной и международной безопасности, всегда представляла важность для научного исследования и практического анализа со стороны ученых, экспертов, политических деятелей, военных и дипломатов. Сдерживание имеет целью предотвращение нежелательных военных и политических действий одной стороны в отношении другой под угрозой причинения ей неприемлемого ущерба. Сдерживание предполагает совокупность военных, военно-политических, экономических, дипломатических, психологических и иных мер, направленных на убеждение потенциального агрессора в невозможности достижения им своих целей военно-силовыми методами.

Очевидно, что каждый этнополитический и международный конфликт имеет свою специфику и свои уникальные параметры функционирования. Однако вместе с тем все конфликты укладываются в общую логику развития и к ним вполне могут быть применены определенные теоретические конструкции и концепции для лучшего понимания и объяснения причинно-следственной связи, алгоритма и механизма реализации, оценки эффективности мер военно-политического поведения и противодействия. Карабахский конфликт не является в этом плане исключением, т.к. опасность возобновления боевых действий в нем продолжает оставаться серьезной угрозой как для самих вовлеченных в конфликт сторон, так и для региональной безопасности в целом. Разработанная богатая научно-теоретическая и практическая база сдерживания вполне может быть проецирована на ситуацию Карабахского конфликта. При этом сдерживание в Карабахском конфликте может рассматриваться в двух важнейших формах: конвенционального сдерживания (т.е. военно-политического сдерживания с демонстрацией готовности эффективного применения обычных вооружений) и политико-дипломатического сдерживания (т.е. сдерживания с помощью политических, дипломатических и иных, формально невоенных методов, а также путем вовлечения внешних акторов и международного сообщества).

Надо отметить, что на практике армянские стороны уже два десятилетия фактически реализуют политику сдерживания в ситуации Карабахского конфликта. К настоящему времени это позволяет достаточно эффективно предотвращать возобновление боевых действий в данном конфликте. Однако целостного освещения тематики сдерживания, которая могла бы быть основой для формирования научно-обоснованной политики в данной сфере, в армянской политической науке пока не существует. Это обосновывает особую актуальность проведения глубоких научных исследований с целью получения дальнейших практических и теоретических результатов по многостороннему изучению феномена сдерживания в Карабахском конфликте.

Цель и задачи научного исследования. Целью исследования является научно-теоретический анализ возможности практической реализации

Ատենախոսության թեման հաստատվել է ՀՀ ՊՆ Դրաստամատ Կանայանի անվան Ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտում:

Գիտական խորհրդատու՝

Քարտրական գիտությունների դոկտոր **Հայկ Սարգսի Քոթանջյան**
Մաշտոտական ինստիտուտներ՝

քաղաքական գիտությունների դոկտոր **Եկատերինա Մնդրեյի Ստեպանովա**
քաղաքական գիտությունների դոկտոր **Ալեքսանդր Ալեքսանդրի Մարգարով**
պատմական գիտությունների դոկտոր **Արսեն Գազիկի Ավագյան**

Մաշտոտար կազմակերպություն՝

Երևանի պետական համալսարան

Պաշտպանությունը կայանալու է 2013թ. սեպտեմբերի 30-ին ժամը 15:00 –ին ՀՀ ՊՆ Դրաստամատ Կանայանի անվան Ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտում գործող ՀՀ ԲՈՂ-ի 056 մասնագիտական խորհրդի նիստում (0037, Երևան, Կ. Ուլենցու 56/6):

Ատենախոսությանը կարելի է ծանոթանալ ՀՀ ՊՆ Դրաստամատ Կանայանի անվան Ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտի գրադարանում:
Սեղմագիրը առաքված է 2013թ. օգոստոսի 29-ին:

056 Մասնագիտական խորհրդի գիտական քարտուղար,
պատմական գիտությունների դոկտոր

Պ. Ա. Չոբանյան

Тема диссертации утверждена в Институте национальных стратегических исследований имени Драстамата Канаяна Министерства обороны Республики Армения.

Научный консультант:

доктор политических наук **Котанджян Гайк Саркисович**

Официальные оппоненты:

доктор политических наук **Степанова Екатерина Андреевна**

доктор политических наук **Маркаров Александр Александрович**

доктор исторических наук **Авакян Арсен Гагикович**

Ведущая организация: Ереванский государственный университет.

Защита состоится 30 сентября 2013 г., в 15:00 на заседании специализированного совета ВАК РА 056 при Институте национальных стратегических исследований имени Драстамата Канаяна Министерства обороны Республики Армения (0037, г. Ереван, ул. К. Уленци, 56/6)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института национальных стратегических исследований имени Драстамата Канаяна Министерства обороны Республики Армения
Автореферат разослан 29 августа 2013 г.

Ученый секретарь специализированного совета 056,
доктор исторических наук

Պ. Ա. Չոբանյան

конвенционального и политико-дипломатического сдерживания применительно к Карабахскому конфликту, в контексте недопущения возобновления боевых действий и обеспечения региональной безопасности и стабильности.

Для достижения этой цели необходимо решение следующих исследовательских задач:

- Рассмотреть место и роль теории сдерживания в широких рамках политической науки, современных исследований в сфере безопасности, теории международных отношений, военно-стратегических исследований, в том числе в контексте теории «силовой политики» и взаимодействия политики сдерживания с политикой принуждения;
- Проанализировать концептуальные подходы в рамках «общей» теории сдерживания, детально разработанной еще в период Холодной войны и получающей дальнейшее развитие в настоящее время, с большей концентрацией на конвенциональном и политико-дипломатическом сдерживании;
- Определить и обосновать, насколько адекватно и с научно-практической точки зрения обосновано использование указанных форм сдерживания применительно к Карабахскому конфликту, изучить практический опыт реализации политики конвенционального сдерживания в ходе других региональных и этнополитических конфликтов;
- Дать общий анализ особенностей и динамики развития военно-политической ситуации в Карабахском конфликте, его место и роль в контексте других аналогичных этнополитических конфликтов;
- Показать соотношение военно-политических потенциалов конфликтующих сторон с точки зрения реализуемости осуществления и поддержания конвенционального сдерживания в Карабахском конфликте;
- Рассмотреть особенности стратегий и политических подходов конфликтующих сторон и вовлеченных внешних акторов в Карабахском конфликте, их ресурсы по изменению/сохранению нынешней ситуации статус-кво, с точки зрения реализации политико-дипломатического сдерживания в Карабахском конфликте.

Объект исследования. Научно-теоретические и практические подходы по изучению и применению конвенционального и политико-дипломатического сдерживания (как целенаправленной политики, реализуемой в конфликтных ситуациях, и как специфического феномена военно-политических отношений) во внешней и военной политике государств, вовлеченных в региональные этнополитические конфликты, на примере Карабахского конфликта.

Предмет исследования. Политика сдерживания, реализуемая Арменией и Нагорным Карабахом в Карабахском конфликте с целью недопущения

возобновления боевых действий и сохранения региональной безопасности и стабильности на Южном Кавказе. Возможность реализации конвенционального и политико-дипломатического сдерживания армянскими сторонами в Карабахском конфликте в среднесрочной и долгосрочной перспективе, выявление факторов, способных сказаться на эффективности функционирования механизма сдерживания.

Теоретические и методологические основы диссертационного исследования. Диссертация является междисциплинарным исследованием, с синтезом теоретического и методологического инструментария политической и исторической науки, а также отдельных элементов военно-стратегических исследований и военной науки.

Теоретическую и методологическую основу диссертации составил системно-исторический подход, особенно актуальный при анализе военно-стратегических исследований, теории международных отношений и исследований в сфере безопасности. Системно-исторический подход, в частности, позволил использовать ретроспективный анализ причинно-следственных процессов в рамках Карабахского конфликта, а также динамики реализации аналогичной политики сдерживания в различных конфликтных ситуациях.

Метод сравнительного анализа позволил сравнить имеющиеся в научной среде и политической практике государств подходы в реализации конвенционального и политико-дипломатического сдерживания в различные хронологические периоды и применительно к различным этнополитическим конфликтам.

Хронологические рамки исследования. Хронологические рамки диссертации охватывают период с первой половины 1990-х гг. до 2013 г. включительно. Исследование в общих чертах включает также рассмотрение итогов военной фазы Карабахского конфликта и последующего хода переговорного процесса по его урегулированию. Это позволяет проанализировать общую динамику и логику развития Карабахского конфликта на современном этапе, в особенности, - его военно-политических аспектов. Вместе с тем, для достижения общей цели и решения научно-исследовательских задач диссертации, в ней приводится сравнительный анализ практики реализации сдерживания на основе многочисленных примеров военно-политических событий более раннего хронологического периода.

Характеристика источников и степень научно-теоретической разработанности темы исследования. Теоретическая база исследований проблематики сдерживания насчитывает большое количество научных и научно-практических публикаций, особенно в англоязычной литературе. Формирование теории сдерживания как целостной научной концепции и основы реализации практической политики многих стран, в первую очередь ядерных сверхдержав, пришлось на период Холодной войны (хотя в практике международных отношений феномен сдерживания под угрозой силы и последствий ее применения наблюдается еще с глубокой древности). Можно

даже утверждать, что в течение полувекового периода Холодной войны ни одна из отраслей исследований в сфере безопасности или теории международных отношений не получила такого распространения, как сдерживание.

Развитие теории сдерживания связано с именами таких классиков политической науки или военно-стратегической мысли, как Джордж Кеннан, Бэзил Лиддел Гарт, Бернард Броди, Генри Киссинджер, Томас Шеллинг, Герман Кан, Александр Джордж, Джон Миршеймер, Патрик Морган, Лоуренс Фридман, Самуэль Хантингтон, Эдуард Люгтвак и многих других. Становление и развитие таких всемирно известных аналитических центров, как RAND Corporation, Фонд Карнеги, SIPRI, IISS, ИМЭМО и ИСК РАН, многих других мировых исследовательских центров и ведущих университетов, также связано с проблематикой сдерживания. При этом важной и интересной особенностью развития теории сдерживания было (и остается) то обстоятельство, что хотя она была ориентирована на широкий научно-исследовательский анализ многих вопросов, напрямую и конкретно относящихся к военной сфере, ею занимались скорее гражданские ученые и эксперты в сфере безопасности, чем военные специалисты¹.

Важную роль в воплощении теории сдерживания в реальную и практическую сферу реализации военно-стратегической политики США, во многом базирующейся на разработках, сделанных преимущественно гражданскими экспертами и исследователями, сыграли министр обороны США в 1961-1968 гг. (в администрациях президентов Джона Кеннеди и Линдона Джонсона) Роберт Макнамара и советник президента США по национальной безопасности (в 1969 – 1975 гг.) и госсекретарь США (в 1974 – 1977 гг.) Генри Киссинджер. Отмечая громадное научно-практическое значение теории сдерживания, один из ведущих российских ученых-международников Сергей Караганов подчеркивает, что она «фактически является одной из основ теории международных отношений. Теория сдерживания применима как к отношениям между государствами, так и внутри общества, к отношениям даже между людьми»².

В свою очередь, еще в конце 1970-х гг. видный американский ученый Роберт Джервис назвал теорию сдерживания «возможно, самой влиятельной школой мысли в американских исследованиях по международным отношениям», подчеркивая необходимость рассмотрения ее, наряду с принуждением, в рамках более широкой «теории силовой политики» Томаса Шеллинга³. Классифицируя этапы развития теории сдерживания, как научной концепции и практического инструментария реализации политики, Джервис

уже в конце 1970-х гг. выделял три основных «волны» мировых исследований в данной сфере.

Несколько переформатировав данную классификацию, в ее рамках представляется целесообразным к «первой волне» отнести период, начавшийся непосредственно после окончания Второй мировой войны и вплоть до середины 1950-х гг., когда появились труды Бернарда Броди, Джорджа Кеннана⁴ и других первых теоретиков ядерного сдерживания⁵. «Вторая волна» (конец 1950-х – середина 1960-х гг.), которую можно назвать «классической» или даже «канонической» в развитии теории сдерживания, без сомнения, внесла наиболее существенный вклад в ее формирование как целостного и достаточно строгого научного течения в мировой политической науке, характеризуясь целой плеядой исследователей, научное наследие которых не потеряло своей актуальности вплоть до нашего времени⁶.

Наконец, «третья волна» в теории сдерживания (конец 1960-х – начало 1980-х гг.) знаменовалась этапом широкого распространения данной научной концепции, с активным внедрением в практику политической реализации в США, Великобритании и в других странах мира. Одним из наиболее важных трудов указанного периода явилась публикация Александра Джорджа и

⁴ Джордж Кеннан считается одним из отцов-разработчиков теории сдерживания Советского Союза политическими, экономическими и дипломатическими средствами (containment). Однако данный, несколько различающийся вид сдерживания, во многом базировался на имеющейся в то время «ядерной монополии» США и дальнейшего существенного преимущества Соединенных Штатов над СССР в ядерном потенциале, с использованием ресурсов ядерного военно-политического сдерживания (deterrence). Подходы Дж.Кеннана о роли сдерживания для решения политических задач впервые были публично представлены им в статье, написанной под псевдонимом Mister X в авторитетном американском журнале Foreign Affairs (“X Article”). См. подробнее: X, “The Sources of the Soviet Conduct”, *Foreign Affairs*, Vol.25, No4, July, 1947.

⁵ Brodie, Bernard (ed.), *The Absolute Weapon*, New York: Harcourt, Brace, 1946. Достаточный концептуальный обзор динамики развития теории и практики ядерного сдерживания, начиная с первых попыток ее формирования во второй половине 1940-х гг., приводится в одной из более поздних работ Б.Броди. См. подробнее: Brodie, Bernard, “The Development of Nuclear Strategy”, *International Security*, Vol.2, No4, Spring, 1978.

⁶ Brodie, Bernard, *Strategy in the Missile Age*. RAND: Santa Monica, 15 January 1959; Wohlstetter, Albert, “The Delicate Balance of Terror”, *Foreign Affairs*, Vol.37, No2, January 1959; Kissinger, Henry A., *Nuclear Weapons and Foreign Policy*, New York, 1957 (сокращенное русскоязычное издание: Киссинджер Г., *Ядерное оружие и внешняя политика*, М., 1959); Kahn, Herman, *On Thermonuclear War*, Princeton: Princeton University Press, 1960 (2007 edition with a new introduction by Evan Jones, Transaction Publishers, 2007); Schelling, Thomas, *Strategy of Conflict*, Oxford University Press: New York, 1963 (русскоязычное издание: Шеллинг, Томас, *Стратегия конфликта*, М., 2007); Schelling, Tomas, *Arms and Influence*. New Haven and London, Yale University Press, 1966 (2008 Edition with a New Preface and Afterword); Snyder, Glenn H., *Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security*. Princeton: Princeton University Press, 1961; Галлуа, Пьер, *Стратегия в ядерный век*. М., 1962.

¹ Morgan, Patric, “The State of Deterrence in International Politics Today”, *Contemporary Security Policy*, Vol.33, No1, April, 2012, p.87.

² «Сергей Караганов: Теория сдерживания оказалась общей теорией международных отношений», *Международные процессы*, Т.3, №3 (9), сентябрь – декабрь 2005, с.122.

³ Jervis, Robert, “Deterrence Theory Revisited”, *World Politics*, Vol.31, No2, January 1979, p.289.

Ричарда Смоука⁷. Она рассматривала теорию и практику сдерживания во внешней политике США с упором не на превалирующие в то время проблемы «центрального» ядерного сдерживания сверхдержав, а применительно к локальным конфликтам в различных регионах мира, а также периферийным конфликтам, в которых две сверхдержавы принимали опосредованное участие или вовлекались через своих союзников и сателлитов. В данный период появилось множество иных работ, исследующих самые различные аспекты сдерживания, в том числе попытки применения новых направлений политической науки и теории международных отношений, к примеру, в рамках теории игр, анализа процесса принятия решений, использования количественных методов в теории безопасности (хотя они получили широкое распространение еще в 1950-х гг.) и др.⁸

Продолжая логику классификации Джервиса, можно выделить «четвертую волну»⁹ развития теории сдерживания, характеризующуюся расцветом и концептуальным оформлением конвенционального сдерживания. Она началась с конца 1970-х – начала 1980-х гг. и связывается во многом с именами Джона Миршеймера, Сэмюэля Хантингтона, Джорджа Кюстера, Джонатана Шимшони и ряда других теоретиков¹⁰.

«Пятая волна» началась на рубеже окончания Холодной войны и распада биполярного мира, когда теория сдерживания приобрела новый смысл и содержание. Стало заметным продолжающееся смещение (с сохранением

⁷ George, Alexander, Smoke, Richard, *Deterrence in American Foreign Policy*, New York: Columbia University Press, 1974.

⁸ См., к примеру: Morgan, Patric, *Deterrence: A Conceptual Analysis*, SAGE Library of Social Research, No40, SAGE Publications: Beverly Hills – London, 1977; Jervis, Robert, “Cooperation under the Security Dilemma”, *World Politics*, Vol.30, No2, January, 1978. Достаточно подробный анализ теории игр применительно к международным отношениям и исследованиям в сфере безопасности дан в работе: Дегтерев, Дмитрий, Дегтерев, Андрей, «Теория игр и международные отношения», *Мировая экономика и международные отношения*, №2, 2011.

⁹ Некоторые исследователи используют другую хронологию этапов развития теории сдерживания, выделяя в качестве «четвертой волны» работы, появившиеся с начала 1990-х гг. и направленные во многом на исследование новых, «нетрадиционных» угроз, для противодействия которым необходимо дальнейшее развитие теории сдерживания. Однако мы в нашей работе предлагаем иную хронологию динамики исследований в рамках данной теории, с большим упором на роль конвенционального сдерживания в общей теории сдерживания. См. подробнее: Knopf, Jeffrey, “The Fourth Wave of Deterrence Research”, *Contemporary Security Policy*, Vol.31, No1, April, 2010; Lupovici, Amir, “The Emerging Fourth Wave of Deterrence Theory – Toward a New Research Agenda”, *International Studies Quarterly*, Vol.54, No3, September, 2010.

¹⁰ Mearsheimer, John, *Conventional Deterrence*, Cornell University Press: Ithaca and London, 1983; Huntington, Samuel, “Conventional Deterrence and Conventional Retaliation”, *International Security*, Vol.8, №3, Winter 1983/84; Quester, George, “Conventional Deterrence: The Past as Prologue”, *Conventional Forces and Future of Deterrence*, Carlisle Barracks, February, 1992; Shimshoni, Jonathan, *Israel and Conventional Deterrence: Border Warfare from 1953 to 1970*. Cornell University Press: Ithaca and London, 1988.

тематики стратегической стабильности и ядерного сдерживания) в сторону более востребованных теорий сдерживания с помощью обычных вооружений, а также применения сдерживания скорее к региональным, а не глобальным системам безопасности. С началом XXI в. стали предприниматься более активные попытки проецирования теории сдерживания к новым вызовам и угрозам безопасности, в том числе нетрадиционного характера. Тематика «классического» сдерживания стала подменяться новыми концепциями сдерживания терроризма и асимметричных угроз, превентивного и преемственного сдерживания, «осевого» сдерживания (*pivotal deterrence*), конвенционального принуждения и т.д.¹¹ В 2000-е гг. было опубликовано несколько работ современных англосаксонских «классиков» теории сдерживания (Питера Моргана, Лоуренса Фридмана, Колина Грея, Френка Загара и др.). Они ставили целью как обобщение развития теории сдерживания после окончания Холодной войны (в том числе на основе своих собственных работ, опубликованных в предыдущие десятилетия), так и предприняли попытки в очередной раз приспособить теорию сдерживания к современным вызовам и проблемам¹².

В СССР при фактическом использовании механизмов сдерживания в военно-стратегическом планировании, в силу ряда специфических особенностей, во многом связанных с цензурой и централизованным политико-идеологическим контролем над научной деятельностью, теория сдерживания не была столь четко выражена в научной сфере. Это, к примеру, создало некоторую путаницу в русскоязычных терминах (к примеру,

¹¹ Gray, Colin, *The Implications of Preemptive and Preventive War Doctrines: A Reconsideration*, Strategic Studies Institute, U.S. Army War College, July, 2007; Gearson, John, “Deterring Conventional Terrorism: From Punishment to Denial and Resilience”, *Contemporary Security Policy*, Vol.33, No1, April, 2012; Crawford, Timothy, *Pivotal Deterrence: Third-Party Statecraft and the Pursuit of Peace*, Ithaca: Cornell University Press, 2003; Arreguin-Toft, Ivan, “Unconventional Deterrence: How the Weak Deter the Strong”, Chicago Press: Chicago – London, 2009; Bowen, Wyn, “Deterrence and Asymmetry: Non-State Actors and Mass Casualty Terrorism”, *Contemporary Security Policy*, Vol.25, No1, April, 2004. В российских исследованиях по асимметричным конфликтам, некоторые элементы которых можно рассматривать применительно к теории сдерживания, следует выделить работы Л.Дериглазовой и Е.Степановой. См. подробнее: Дериглазова Л.А. *Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными*, Томск: Изд-во Томского Государственного университета, 2009; Степанова Е. *Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты*, М.: ИМЭМО РАН, 2010. Попытка проецирования теории асимметричных конфликтов на Карабахский конфликт была предпринята в работе: Дериглазова Л., Минасян С., «Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №3, Ереван, январь, 2011.

¹² Morgan, Patric, “The State of Deterrence in International Politics Today”, *Contemporary Security Policy*, Vol.33, No1, April, 2012; Morgan, Patric, *Deterrence Now*; Freedman, Lawrence, *Deterrence*, Polity Press, 2004; Gray, Colin, *Maintaining Effective Deterrence*, Carlisle: Strategic Studies Institute, US Army War College, 2003.

двойственность в терминологии, обозначающей *deterrence* и *containment* одним словом «сдерживание»). Как признают ведущие советские/российские эксперты, теория сдерживания в бывшем Советском Союзе разрабатывалась «со значительным опозданием к развитию его материальной основы»¹³. В тоже время надо отметить, что разрабатываемая с определенным временным лагом советская школа изучения проблем стратегического сдерживания, используя во многом аналогичный научный инструментарий и концептуальную базу, уже к началу 1980-х гг. вплотную приблизилась к западным подходам в теории ядерного сдерживания¹⁴. При этом, по оценкам западных специалистов середины 1980-х гг., советская политика ядерного сдерживания к концу Холодной войны в основном базировалась на концепции *сдерживания лишением*, с целью недопущения возможности осуществления США и их союзниками *противосилового удара* и базировалась на совмещении возможности нанесения Советским Союзом заблаговременного преемтивного и/или ответного или ответно-встречного ударов¹⁵.

После распада СССР теорию сдерживания продолжили развивать такие крупные российские исследователи, как А.Кокошин, С.Караганов, Г.Арбатов, А.Арбатов, В.Дворкин, С.Коргунов, С.Озобищев, С.Рогов и многие другие¹⁶. В настоящее время исследованиями в сфере теории сдерживания на постсоветском пространстве занимаются также современные российские ученые О.Иванов, А.Фененко, Ю.Печатнов, украинский исследователь П.Синовец и другие¹⁷.

Таковы вкратце основные этапы становления «общей» теории сдерживания в мировой политологической литературе и исследованиях в сфере безопасности. Естественной, приведенная типология не является полной,

¹³ Кокошин А.А. «Ядерное сдерживание и национальная безопасность России», *Вестник Российской Академии Наук*, Т.69, №10, 1999, с.893.

¹⁴ Simes, Dimitri, "Deterrence and Coercion in Soviet Policy", *International Security*, Vol.5, No3, Winter 1980/1981, p.85-96.

¹⁵ Erickson, John, "The Soviet View of Deterrence: A General Survey", *Survival*, Vol.24, No6, p.246.

¹⁶ См. например: Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А.В., *Сдерживание во втором ядерном веке*, М., 2001; Кокошин А.А. *Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники)*, М., 2003; *Ядерное сдерживание и нераспространение*, (под ред. А. Арбатова, В. Дворкина), М.: Московский центр Карнеги, 2005.

¹⁷ Иванов О., *Применение военной силы США: рациональный и иррациональный подход*, М., 2007; Иванов О., «Стратегия сдерживания в политике США», *Обозреватель – Observer*, №8, 2008; Фененко, Алексей, «Современные концепции ядерного сдерживания», *Международные процессы*, Т.10, №2 (29), Май – Август, 2012; Фененко, Алексей, «Современные военно-политические концепции США», *Международные процессы*, Т.7, №1 (19), Январь – Апрель, 2009; Фененко, Алексей, «Парадоксы ядерного сдерживания», *Международные процессы*, Т.2, №2 (5), Май-Август, 2004; Печатнов, Ю.А., «Анализ отечественных и зарубежных подходов к разработке концептуальных моделей силового стратегического сдерживания», *Вооружение и экономика*, №2 (14), 2011; Синовец, Полина, *Двуликий Янус или Теория ядерного сдерживания в XXI веке*, Одесса, 2008.

с учетом постоянного развития теории сдерживания на современном этапе (например, новых концепций «комплексного», «динамичного» или «совершенного» сдерживания или актуализация исследований о роли рациональности в теории сдерживания)¹⁸. Приведенный выше анализ литературы по проблемам «общей» теории сдерживания не является полным и всеобъемлющим. Он включает в себя лишь наиболее важнейшие, по нашему мнению, работы, внесшие существенный или даже фундаментальный вклад в развитие и современное состояние теории сдерживания, а также практику ее использования в политике.

На фоне анализа основной библиографии «общего» сдерживания, использованной в нашей работе, можно обратиться к более подробному и детальному рассмотрению динамики и нынешнего уровня развития теории конвенционального сдерживания. Задолго до появления ядерного оружия, сдерживание противника от совершения им нежелательного шага (например, начала войны) под угрозой причинения неприемлемого урона, обесценивающего весь смысл возможной победы в развязанной войне, являлось широко распространенным феноменом военно-политических отношений, известным еще с глубокой древности. Наверное, первое комплексное изучение феномена политики сдерживания (как и имеющей во многом схожую логику политики принуждения), как искусства применения силы в международных отношениях, приводится в трудах древнегреческого классика Фукидида¹⁹.

Два века назад Карл фон Клаузевиц уже в более конкретной форме дал достаточно емкое определение логики военно-политического сдерживания: «Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение... Таким образом, как только потребуются затраты сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир»²⁰. Развитие военно-стратегического мышления на основе элементов и категорий, которые впоследствии должны были лечь в основу теории конвенционального сдерживания, продолжалось уже в следующем веке.

В первые десятилетия XX в., перед и непосредственно после Первой Мировой войны в трудах итальянского военного теоретика и апологета использования авиации (особенно бомбардировочной) в качестве решающего

¹⁸ См. подробнее: *Complex Deterrence*, (Ed. by T.V. Paul, Patrick M. Morgan & James J. Wirtz), The University of Chicago Press: Chicago – London, 2009; Zagare, Franc C., Kilgour, D.Marc, *Perfect Deterrence*. Cambridge University Press: Cambridge, 2004.

¹⁹ См. подробнее: Lebow, Richard Ned, "Thucydides and Deterrence", *Security Studies*, Vol.16, No2, April – June, 2007.

²⁰ Клаузевиц, Карл, *О войне*. М., 2007, с.44.

военно-политического средства ведения войны генерала Дуэ и его последователей стали проявляться истоки конвенционального сдерживания²¹.

Впрочем, исследователи по истории развития теории сдерживания склонны считать, что истоки конвенционального сдерживания, как концепции использования в военно-политических отношениях более разрушительных (и в то время активно разрабатываемых и принимаемых на вооружение) видов оружия, в том числе против гражданских целей противника, начали формироваться еще раньше, в самом конце XIX в. К примеру, попытки в ходе Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. международно-правового оформления обычаев и законов ведения войны, не использования в боевых действиях удушающих газов, а также принятие декларации «О запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных судов»²² (не была ратифицирована рядом подписавшихся стран и так и не вступила в силу), во многом были вызваны опасениями многих европейских держав возможным использованием новых для того времени видов оружия против крупных населенных пунктов и гражданских целей. Еще большее беспокойство, особенно в Великобритании, вызвало бурное развитие дирижаблей в Германии в первые годы XX в. Разработка и массовое строительство Германией «цепелинов» сразу же стало рассматриваться как угроза в первую очередь для гражданского населения Великобритании и особенно его столицы. Это полностью соответствовало более поздним представлениям о роли сдерживания, как стратегии и возможности по нанесению чувствительных или даже неприемлемых потерь противнику в политических целях²³.

Оформление логики конвенционального сдерживания продолжилась и в межвоенный период, в 1920-х и 1930-х гг., например, в трудах известного британского военного историка и теоретика Безила Лиддел Гарта²⁴. Как отмечает Патрик Морган, «многие элементы мышления в категориях сдерживания появились еще до Второй мировой войны, а важные концепции

²¹ К примеру, см.: Вотье П., *Военная доктрина генерала Дуэ*, М.: Государственное военное издательство, 1935.

²² Речь шла в тот момент о военных воздушных шарах и дирижаблях, так как самолеты к началу Второй Гаагской конференции 1907 г. тогда еще не рассматривались в качестве реального военного средства.

²³ Quester, George H., *Deterrence before Hiroshima: The Airpower Background of Modern Strategy*, New York – London – Sydney: John Wiley and Sons, 1966, p.6-16.

²⁴ Подходы Б.Лиддел Гарта к проблематике сдерживания получили окончательное оформление уже значительно позднее, к началу 1960-х гг. См. подробнее: Liddell Hart, Basil, *Deterrent or Defense: A Fresh Look at the West's Military Position*, New York: Praeger, 1960. См. также рецензию на эту книгу сенатора и будущего президента США Джона Ф.Кеннеди: «Book Review by Senator John F. Kennedy of "Deterrent or Defense" by B.H. Liddell Hart», *Saturday Review of Literature*, September 3, 1960 (available from <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25937>).

по контролю над вооружениями, применимые в теории ядерного сдерживания, широко обсуждались уже после Первой мировой войны»²⁵.

Вторая мировая война, с массированным использованием вначале Германией бомбардировочной авиации против Великобритании, СССР и других стран, а затем и союзниками (преимущественно Великобританией и США) против нее, дала новый толчок к реализации довоенных концептуальных разработок по использованию авиации и стратегических авиационных бомбардировок в качестве не только решающего военного, но и существенного военно-политического ресурса²⁶. При этом немаловажно отметить то обстоятельство, что предшествующий довоенный/межвоенный период в развитии сдерживания уже в 1930-е гг. вызвал появление многих терминов и аргументов, которые активно используются в современной теории сдерживания: взаимоотношение между обороной и сдерживанием, первый удар/возмездие, контрсилы/противоценностные удары и т.д.²⁷

Несмотря на достаточно важный и впечатляющий эффект стратегических авиационных бомбардировок во время Второй мировой войны, а также последующего массированного применения авиации США в ходе локальных конфликтов в Корее и во Вьетнаме, такая составляющая конвенционального сдерживания, как наказание путем нанесения неприемлемого ущерба (*deterrence by punishment*), стала серьезным фактором лишь после приобретения обычными вооружениями, особенно т.н. «дистанционными» средствами ведения военных действий (тактические и оперативно-тактические ракетные комплексы, крупнокалиберные реактивные системы залпового огня – РСЗО, а также оснащенная высокоточным управляемым оружием реактивная штурмовая и бомбардировочная авиация), качественно новых возможностей по точному поражению и нанесению ущерба стратегически важным военным и гражданским целям противника, промышленной и транспортной инфраструктуре, крупным городам и т.д. Многие исследователи отмечают, что формирование теории конвенционального сдерживания, как целостной научной концепции и инструмента практической политики, пришлось на конец 1970 – начало 1980-х гг. Важную роль сыграли также появление высокоточного управляемого оружия (ВТО), непосредственно на поле боя

²⁵ К примеру, в 1930-е гг. в Великобритании стали задумываться над использованием стратегических бомбардировок в качестве сдерживающего ресурса, с предварительными расчетами и дискуссиями о том, какие цели должны быть приоритетными – военные и промышленные или же политическая воля и психологическое восприятие противником собственной способности продолжать боевые действия. Тем самым проявлялись первые признаки разделения на сдерживание путем обороны (*сдерживание лишением*) и сдерживание путем возмездия (*сдерживание наказанием*). Аналогичные расчеты об использовании в качестве элемента сдерживания стратегических бомбардировок, начинали предприниматься и в США. См. подробнее: Morgan, P. *Deterrence Now*, p.4-17.

²⁶ Overy, Richard, "Air Warfare", *The Oxford History of Modern War*, ed. by Charles Townshend, Oxford: Oxford University Press, 2000, p.266-278.

²⁷ Overy, Richard, "Air Power and the Origins of Deterrence Theory Before 1939", *Journal Of Strategic Studies*, Vol.15, No1, March, 1994, p.74.

изменившего сами методы ведения войны, и «Революция в военном деле» (*Revolution in Military Affairs – RMA*), повысивших эффективность другой составляющей конвенционального сдерживания – «сдерживания путем лишения» (*deterrence by denial*)²⁸.

В результате, с конца 1970-х гг. конвенциональное сдерживание начало занимать все возрастающую роль в дискуссиях в странах НАТО относительно перспектив стратегического сдерживания СССР/ОВД на европейском континенте. Это происходило на фоне концептуального кризиса ядерного сдерживания и усилившихся сомнений у европейских союзников по НАТО в том, что США будут готовы применить «самоубийственное» стратегическое ядерное сдерживание в случае успешного наступления ОВД в Европе с использованием обычных вооружений. Велось также достаточно активное обсуждение возможностей совмещения элементов ядерного и конвенционального сдерживания в общей стратегии НАТО, в том числе в контексте концепции т.н. «ограниченной войны» в Европе²⁹. Уже в середине 1980-х гг. конвенциональное сдерживание начало восприниматься экспертами НАТО (и в целом в западных исследованиях в сфере безопасности) в качестве эффективного и действенного дополнения к ядерному сдерживанию³⁰.

Одним из ключевых исследований, внесшим существенный вклад в развитие теории конвенционального сдерживания, явилась широко известная монография Джона Миршеймера³¹. Ее идеи были развиты Миршеймером в ряде последующих публикаций в авторитетных западных академических научных изданиях в 1980-х гг.³² Работы Миршеймера получили широкий резонанс ввиду актуальности затрагиваемых им проблем конвенционального сдерживания в контексте военно-политической ситуации 1980-х гг. и усиливающегося противостояния между обычными вооруженными силами НАТО и ОВД на Европейском континенте. Это не только активизировало академические дебаты на Западе по проблемам конвенционального сдерживания, но и подстегнуло интерес к уже имеющимся или разрабатываемым научно-практическим проблемам в смежных теориях и

²⁸ Mearsheimer, John, J. "Precision-guided Munitions and Conventional Deterrence", *Survival*, Vol.21, Issue 2, 1979.

²⁹ Quester, George, "Substituting Conventional for Nuclear Weapons: Some Problems and Some Possibilities", *Nuclear Deterrence: Ethics and Strategy*, (ed. by Russell Hardin, John J. Mearsheimer, Gerald Dworkin, and Robert E. Goodin), Chicago: The University of Chicago Press, 1985, p.248-265.

³⁰ См. подробнее: *Strengthening Conventional Deterrence in Europe: Proposals for the 1980s*, Report of the European Security Study, New York, 1983.

³¹ Mearsheimer, John, *Conventional Deterrence*, Cornell University Press: Ithaca and London, 1983.

³² Mearsheimer, John, "Prospects for Conventional Deterrence in Europe", *The Bulletin of the Atomic Scientists*, Vol.41, No7, August, 1985; Mearsheimer, John, "Numbers, Strategy and the European Balance", *International Security*, Vol.12, No4, Spring, 1988; Mearsheimer, John, "Assessing the Conventional Balance: The 3:1 Rule and Its Critics", *International Security*, Vol.13, No4, Spring, 1989.

концепциях в рамках военно-стратегических исследований. Например, это касалось теории конвенционального баланса, проблематики конвенциональной гонки вооружений и определения параметров разоружения в рамках ДОВСЕ³³, и особенно военно-исторических исследований с использованием элементов теории сдерживания.

В частности, достаточно интересные наблюдения, основанные на исторических примерах провалов или успехов конвенционального сдерживания, можно найти в работе Ричарда Розекранца (в соавторстве с Аланом Александровфом), анализирующих возможности реализации политики сдерживания в 1939 г.³⁴ Как и в его более поздней статье, основывающейся на примерах вступления Германии в Первую мировую войну, а также действий Британии и Германии во время Второй мировой войны, Ричард Розекранц указывает, что одним из главных уроков во всех указанных случаях было то, что «количественный баланс вооружений вряд ли является решающим (тем более определяющим) фактором в решении вступить в войну»³⁵. Исторический анализ попыток реализации элементов конвенционального сдерживания на примере развязывания Первой мировой войны также приводится в известном исследовании Барбары Такман³⁶ и в ряде других работ³⁷.

Анализ механизма и причин начала вооруженных конфликтов на примере Первой мировой войны и ряде других исторических аналогий примерно с середины 1960-х гг. занял достаточно важную нишу в исследовании в сфере безопасности, с использованием междисциплинарного научного инструментария на стыке теории сдерживания, теории и истории международных отношений, а также военно-исторических и стратегических исследований. Данное научное направление получило дальнейшее развитие в рамках т.н. «теории наступления и обороны», т.е. соотношения между обороной и нападением, а также между оборонительными и наступательными видами вооружений в качестве факторов и причин развязывания войн и вооруженных конфликтов (*offense-defense theory*). Оно напрямую соприкасается с одним из ключевых элементов в логике конвенционального сдерживания, связанным с наличием оптимизма и веры в быструю и сравнительно бескровную успешную войну у руководства страны-агрессора,

³³ Rohn, Laurinda L., *Conventional Forces in Europe: A New Approach to the Balance, Stability, and Arms Control*, RAND: Santa-Monica, May, 1990.

³⁴ Alexandroff, Alan, Rosecrance, Richard, "Deterrence in 1939", *World Politics*, Vol.29, No3, April 1977.

³⁵ Rosecrance, Richard, "Deterrence and Vulnerability in the Pre-Nuclear Era", *The Future of Strategic Deterrence, Part I, Adelphi Papers*, No160, London: IISS, 1980, p.29.

³⁶ Такман, Барбара, *Августовские пушки*, М., 1972.

³⁷ Lynn-Jones, Sean M., "Détente and Deterrence: Anglo-German Relations, 1911-1914", *International Security*, Vol.11, No2, Autumn, 1986.

препятствующим успешной реализации сдерживания, приводящим к его провалу и развязыванию конвенциональных войн³⁸.

Оригинальный и в тоже время важный вклад в развитие теории конвенционального сдерживания внесла статья С.Хантингтона «Конвенциональное сдерживание и конвенциональное возмездие». Кроме достаточно глубокого анализа концепции конвенционального сдерживания на примере противостояния НАТО и ОВД в Европе и сопутствующих многочисленных военно-политических факторов, Хантингтон в своей статье также выдвинул достаточно революционную идею конвенционального возмездия для сдерживания наступления ОВД в Европе. Согласно С.Хантингтону, в случае успеха наступления ОВД с использованием обычных вооружений конвенциональное возмездие должно было заменить предусматриваемую натовскими концепциями опасную эскалацию ядерного возмездия (начинающуюся с использования тактического ядерного оружия «поля боя» до обмена ударами стратегическими межконтинентальными ракетами)³⁹.

В качестве конвенционального возмездия Хантингтон выдвигал возможность стремительного натовского контрнаступления обычными вооруженными силами в Восточную Европу. Это, по его мнению, могло бы привести к взрыву сопротивления и борьбы местного населения в восточноевропейских странах-сателлитах против господства СССР и собственных коммунистических властей. Как отмечалось в статье Хантингтона, «Сдерживание без возмездия слабо; возмездие путем эскалации (здесь имеется в виду возможность ядерной эскалации – прим. автора) – рискованно. Конвенциональное сдерживание усиливает первое без увеличения риска для второго»⁴⁰.

³⁸ См. например: Jervis, Robert, "Cooperation under the Security Dilemma", *World Politics*, Vol.30, No2, January 1978; Snyder, Jack, "Civil-Military Relations and the Cult of the Offensive, 1914 and 1984", *International Security*, Vol.9, No1, Summer, 1984; van Evera, Stephen, "Offense, Defense, and the Causes of War", *International Security*, Vol.22, No4, Spring, 1998; Stoessinger, John, *Why Nations Go to War*, (Tenth Edition), Thomson Wadsworth: Belmont, 2005.

³⁹ Речь идет о реализуемой США (с 1961 г.) и НАТО (с 1967 г.) «Стратегии гибкого реагирования», требующей большего внимания к развитию конвенциональных сил общего назначения. См. подробнее:

McKittrick, Myra Struck, "A Conventional Deterrent for NATO: An Alternative to the Nuclear Balance of Terror", *Parameters, Journal of the US Army War College*, Vol.13, No1, March, 1983. О взглядах советских исследователей на развитие и функционирование «Стратегии гибкого реагирования» см. подробнее: Хозин И., «Стратегия «гибкого реагирования» (по взглядам военных специалистов НАТО)», *Зарубежное военное обозрение*, №4, 1977.

⁴⁰ Huntington, Samuel, "Conventional Deterrence and Conventional Retaliation in Europe", *International Security*, Vol.8, No3, Winter 1983/84, p.41. Критику некоторых выдвинутых С.Хантингтоном в его концепции идей в контексте военно-политической ситуации на Европейском континенте в 1980-х гг. см. подробнее: Betts, Richard, "Conventional Deterrence: Predictive Uncertainty and Policy Confidence", *World Politics*, Vol.37, No2, January, 1985.

В последние десятилетия научный инструментарий конвенционального сдерживания активнее используется для анализа и объяснения логики многих региональных конфликтов. Предпринимаются попытки переосмысления новой роли конвенциональных вооружений с учетом опыта локальных конфликтов 1990-2000-х гг., где конвенциональное сдерживание уже выступает в качестве одного из составных элементов в рамках более широких концепций (например, концепции превентивного силового принуждения). Это вновь актуализировало проблематику конвенционального сдерживания в рамках мировых военно-стратегических исследований и общей теории безопасности⁴¹. При этом в Соединенных Штатах конвенциональное сдерживание (особенно с использованием ВТО) уже рассматривается, наряду с ядерными вооружениями, как один из элементов расширенного стратегического сдерживания в рамках обновленной «Стратегической Триады» США⁴². В свою очередь НАТО, начиная еще с принятой в 1991 г. в Риме первой после окончания Холодной войны «Новой стратегической концепции», также постепенно увеличивало внимание к конвенциональному сдерживанию, в рамках провозглашенного принципа «Меньшей зависимости от ядерного оружия»⁴³.

Как уже отмечалось, вплоть до развала СССР проблематика сдерживания, в силу специфики закрытости научно-практической сферы военно-стратегических исследований, сравнительно мало обсуждалась и публично освещалась в советской/российской науке. Однако следует предполагать, что в отличие от ядерного сдерживания, интерес к проблематике конвенционального сдерживания в СССР был сравнительно небольшим (в отличие от его ренессанса в 1980-х гг. на Западе). Во многом это объяснялось тем, что вплоть до распада ОВД и подписания ДОВСЕ СССР и Организация Варшавского Договора обладали существенным количественным и даже отчасти качественным превосходством в обычных вооружениях в Европе, с более благоприятными стартовыми возможностями для конвенционального наступления (в соответствии с принятой в начале 1980-х гг. советской «Стратегией равной готовности к активному ведению всех видов войн»).

Российская политическая наука в 1990-е гг. также практически не уделяла внимания проблематике конвенционального сдерживания, что во многом было вызвано возросшей значимостью ядерного сдерживания на фоне

⁴¹ См. подробнее: Shimshoni, Jonathan, *Israel and Conventional Deterrence: Border Warfare from 1953 to 1970*. Cornell University Press: Ithaca and London, 1988; Lieberman, Elli, *Reconceptualizing Deterrence: Nudging Toward Rationality in Middle Eastern Rivalries*, Routledge: London and New York, 2013; Covarrubias, Jaime Garcia, "The Significance of Conventional Deterrence in Latin America", *Military Review*, March-April, 2004; Lichtenstein, Wendy, *Conventional Military Deterrence – Its Rise to Dominance and its Future*, U.S. Army War College, Carlisle Barracks, 2002.

⁴² Gerson, Michael, "Conventional Deterrence in the Second Nuclear Age", *Parameters, Journal of the US Army War College*, Vol.39, No3, Autumn, 2009, p.32.

⁴³ Гулько А., Васильев А., «Новые аспекты военной доктрины НАТО», *Зарубежное военное обозрение*, №1, 1992, с.5-6.

коллапса и атрофии обычных вооруженных сил РФ (процесс, почти обратный тому, что происходило в США и в других странах НАТО). Российские специалисты, занимающиеся тематикой роли обычного вооружения в обеспечении безопасности, в основном ограничивались работами, в той или иной степени касающимися проблематики ДОВСЕ или рассматривали данную проблему в контексте роли высокоточного конвенционального оружия в арсенале стратегического сдерживания⁴⁴.

Лишь с середины 2000-х гг. в российских исследованиях в сфере безопасности активизировалось внимание к роли конвенциональных сил в обеспечении безопасности Российской Федерации. Однако даже на их фоне конвенциональное сдерживание рассматривалось преимущественно лишь как один из первоначальных элементов дезэскалации конфликтов на раннем этапе, до использования ядерного оружия: «сдерживание агрессии с применением обычных средств поражения основывается на угрозе нанесения заданного ущерба как группировкам войск, так и военно-экономическому потенциалу противника, а также на угрозе ядерной эскалации конфликта до массивного обмена ядерными ударами»⁴⁵. Как отмечают российские военные эксперты, в данном случае преимуществом конвенционального («неядерного», по одной из используемых ими классификаций) сдерживания является, в частности, «повышение порога применения ядерного оружия в случае конфликта между странами, обладающими таковым оружием; проверка серьезности гипотетической агрессии со стороны вероятного противника (если неядерными средствами его не удастся удержать от начала или продолжения агрессии, тогда переход к применению ядерного оружия будет закономерным и неизбежным)»⁴⁶.

В армянской политической науке, ввиду малой степени разработанности военно-политических исследований и работ в сфере безопасности, теория сдерживания практически не исследована и не рассмотрена. Вместе с тем, общие рамки теории и практики сдерживания в реализации политики безопасности Республики Армения, в том числе применительно к Карабахскому конфликту, были очерчены в ряде работ и публичных выступлений директора Института национальных стратегических исследований (ИНСИ) им. Д.Кананяна МО РА, д.полит.н., генерал-майора Г.С.Котанджяна⁴⁷. Во взаимодействии с руководством ИНСИ МО РА, а также

⁴⁴ См. подробнее: Мясников Е., *Высокоточное оружие и стратегический баланс*, Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ: Долгопрудный, 2000.

⁴⁵ Хряпин А.Л., Афанасьев В.А., «Концептуальные основы стратегического сдерживания», *Военная мысль*, №1, 2005, с.11.

⁴⁶ Буренок В.М., Ачасов О.Б., «Неядерное сдерживание», *Военная мысль*, №12, 2007, с.12.

⁴⁷ Котанджян, Гайк С., *Этнополитология конфликта. Основы военной политики и национальной безопасности Армении*, Ереван, 2010; *Военная провокация Алиева синхронизирована с мирной инициативой Медведева*, <http://www.mil.am/old-1299195298/page/26>, 21.06.2010.

редакцией военно-научного журнала «Армянская армия» при данном Институте, в 2011-2012 гг. нами были опубликованы работы, в которых впервые на армянском языке анализируются некоторые теоретические и практические аспекты сдерживания, а также армяноязычное толкование основных научных терминов в рамках данной парадигмы, ранее не использованных в армянском политологическом лексиконе⁴⁸.

Научная новизна диссертационной работы. Работа является первой теоретической попыткой систематизированного научного исследования проблематики сдерживания применительно к ситуации Карабахского конфликта в отечественной политической науке. Впервые детально рассматриваются и с научной точки зрения проецируются на ситуацию Карабахского конфликта и, в целом, на региональную безопасность Южного Кавказа различные теоретические подходы и парадигмы, существующие в рамках теории сдерживания. Анализ современных и «классических» тенденций в теории сдерживания позволяет применять ее при рассмотрении возможности практического использования в качестве действенного ресурса и механизма невозобновления боевых действий и сохранения региональной безопасности и стабильности. Впервые также дается достаточно подробная типология и систематизация конвенционального и политико-дипломатического сдерживания применительно к ситуации регионального конфликта с вовлечением внешних акторов.

Практическая значимость исследования. Тематика работы имеет не только чисто научно-академический и теоретический смысл, но и несомненное практическое значение применительно к сложившейся на современном этапе военно-политической ситуации вокруг Карабахского конфликта. Это особенно важно в условиях, когда угроза возобновления военных действий со стороны Азербайджана является одним из важнейших факторов, в обозримом будущем влияющих на региональную ситуацию и переговорный процесс в Карабахском конфликте.

Сложная совокупность внешних и внутренних факторов, в особенности – сохраняющийся военно-политический баланс, пока не позволяют изменить статус-кво и возобновить военные действия в Карабахе. В данной ситуации теория сдерживания, рассматриваемая также в более широком смысле как составляющая силовой политики (наряду с теорией принуждения) приобретает особую важность при анализе подходов сторон Карабахского конфликта. Теория сдерживания также может быть использована при разработке общей стратегии и основных концептуальных и доктринальных документов в сфере

⁴⁸ Մինասյան Ս.Ս., «<<Ռազմական զսպման և քաղաքական սաստման քաղաքականությունը Ղարաբաղյան հակամարտության համատեքստում>>», *Հայկական Բանակ*, № 4, 2011; Մինասյան Ս.Ս., «<<Ընդհանուր՝ և իրավիճակային՝ զսպումը Ղարաբաղյան հակամարտությունում>>», *Հայկական Բանակ, Աշխատանքային տեսերթ*, №1-2, 2012.

безопасности, внешней и военной политики в Армении и в Нагорном Карабахе.

Основные положения диссертации могут быть полезными в практической работе соответствующих институтов Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики, ответственных за разработку и реализацию политики в сфере безопасности, внешней и военной политики, в частности, Администрации президента, Совета национальной безопасности, Правительства (включая министерства обороны и иностранных дел, Службу национальной безопасности, другие ведомства), Национального Собрания.

Результаты исследования могут быть использованы также в научном и учебном процессах, при подготовке руководящих кадров стратегического звена, соответствующих учебных курсов, пособий и учебников, а также представлять интерес для широкой общественности, студентов, общественно-политических деятелей, экспертов в данной сфере и журналистов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Теория сдерживания, в своих самых различных видах получившая мощный стимул развития в годы Холодной войны, продолжает в настоящее время совершенствоваться и усложняться, оставаясь одной из важнейших концепций, применяющихся государствами в их военно-политических взаимоотношениях друг с другом, особенно в конфликтных ситуациях. В рамках научной парадигмы сдерживания многие ученые-политологи, специалисты по безопасности и международным отношениям также предпочитают рассматривать и объяснять многие ключевые процессы во внешней и военной политике государств.
2. Ретроспективный анализ причинно-следственной связи развития многих региональных конфликтов, примеров успехов или провалов сдерживания, как ресурса предотвращения и/или невозобновления боевых действий, обоснованно позволяет проецировать парадигму сдерживания на ситуацию Карабахского конфликта, разрабатывая на ее основе конкретные практические предложения и рекомендации, а также документы концептуального характера.
3. Детальный анализ концепции сдерживания с применением междисциплинарного теоретико-методологического инструментария позволяет предполагать, что в ситуации Карабахского конфликта можно выделить, по наиболее общей классификации, два основных типа сдерживания: 1) конвенциональное сдерживание, т.е. военно-политическое сдерживание с помощью обычных вооружений, и 2) политико-дипломатическое сдерживание в ее различных видах.
4. Системный анализ военно-политических аспектов Карабахского конфликта позволяет предположить, что при реализации армянскими сторонами конвенционального сдерживания, такая ее разновидность, как *сдерживание наказанием*, наряду с ее очевидной значимостью (особенно в контексте уязвимости энергетической инфраструктуры Азербайджана для возможных ударов возмездия), не гарантирует

полного успеха при ее реализации. Это обусловлено неабсолютной поражающей мощностью обычных вооружений, всегда оставляющей вероятному противнику «окно сомнений» в том, что он может выдержать и даже «абсорбировать» определенную степень потерь при ударах возмездия, которые, в отличие от практики ядерного сдерживания, не рассматриваются как полностью «неприемлемые» и угрожающие самому дальнейшему историческому и политическому существованию страны-агрессора. Наряду с этим *сдерживание наказанием* в условиях Карабахского конфликта приобретает особую значимость в качестве сопутствующего военного ресурса и существенного дополнения к *сдерживанию лишением* в рамках сложной и многогранной системы конвенционального военно-политического сдерживания, реализуемого армянскими сторонами.

5. В силу особенностей военно-политической и военно-технической ситуации в зоне Карабахского конфликта, политических и географических факторов, а также сравнительного качественно-количественного анализа военных потенциалов конфликтующих сторон, *сдерживание лишением* имеет более существенные гарантии успешной и убедительной реализации, и выступает в качестве ключевой разновидности конвенционального сдерживания для армянских сторон. Это обусловлено, в условиях нынешней военно-политической ситуации в Карабахском конфликте, большей убедительностью *сдерживания лишением*, т.к. оно нивелирует главный стимул в расчетах вероятного инициатора возобновления вооруженного конфликта – надежду на быстрый и успешный захват территории Нагорного Карабаха и решение конфликта в свою пользу чисто военными методами.
6. Политико-дипломатическое сдерживание в Карабахском конфликте имеет достаточно многоуровневую систему реализации, которая, наряду с эффективным конвенциональным сдерживанием, препятствует возобновлению военных действий и обеспечивает относительную стабильность в зоне конфликта и региональную безопасность в масштабах всего Южного Кавказа.
7. Политика принуждения, реализуемая со стороны Азербайджана в Карабахском конфликте с целью изменения сохраняющегося статус-кво и принуждения армянских сторон к односторонним уступкам, вплоть до настоящего времени так и не достигла своей цели в противостоянии с армянской политикой сдерживания. Это обусловлено как более сложными концептуальными особенностями реализации политики принуждения со стороны Азербайджана (по сравнению со сдерживанием), так и максималистской, негибкой практикой реализации принуждения азербайджанской стороной.
8. Теория и всеобъемлющая практика реализации сдерживания требуют дальнейшего научно-практического изучения и совершенствования, для более широкого и эффективного внедрения в военно-

политический и внешнеполитический арсенал армянских сторон. Более детальный и глубокий опыт реализации сдерживания как в Карабахском конфликте, так и в других аналогичных региональных этнополитических конфликтах необходим также с учетом ее дальнейшего использования при подготовке важнейших концептуальных документов, эффективной научно-аналитической и организационно-управленческой деятельности в сфере безопасности, внешней и военной политики в Армении и Нагорном Карабахе. Элементы реализации сдерживания могут также быть использованы армянскими сторонами в информационной и пропагандистской сферах.

Апробация исследования. Основные положения и научные выводы исследования были представлены и апробированы автором в рамках его участия в 2004-2013 гг. в десятках международных научных и научно-практических конференций и семинаров, проведенных в Армении, Нагорном Карабахе, Грузии, России, США, Франции, Бельгии, Испании, Турции, Финляндии, Эстонии, Польше, Швейцарии, Казахстане, Киргизии, а также в рамках программ научного обмена, стажировок и долговременных научных командировок автора в США, Финляндию и Россию.

Научная апробация диссертации состоялась в Институте национальных стратегических исследований имени Драстамата Канаяна Министерства обороны Республики Армения 17 мая 2013 г.

В рамках тематики исследования автором опубликовано 3 монографии и научно-аналитических доклада (из них 2 – в соавторстве), и свыше 40 научных статей (из них 1 – в соавторстве) в ведущих научных журналах, рекомендуемых ВАК Армении (на русском и армянском языках) и России, а также в международных изданиях, журналах, сборниках статей и материалов конференций и научных семинаров на русском, английском, французском и испанском языках.

Структура диссертационного исследования. Диссертация состоит из: введения и общей характеристики работы, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Общий объем диссертации 242 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ И ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАБОТЫ обосновываются актуальность диссертационной работы, ее основные цели и задачи, характеристика источников и степень научной разработанности темы, научная новизна и практическая значимость исследования. Приводятся также теоретические и методологические основы исследования, хронологические рамки, показываются основные положения диссертационной работы, выносимые на защиту.

Первая глава, ТЕОРИИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОГО И ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО СДЕРЖИВАНИЯ рассматривает основные положения и составляющие современной теории сдерживания, в том числе в общей структуре исследований в сфере безопасности и международных отношений. Она состоит из пяти основных подглав.

Первая подглава, **Теория сдерживания в общей системе современных исследований в сфере безопасности, взаимодействие сдерживания и принуждения**, рассматривает сдерживание в более широком контексте других смежных дисциплин в рамках современной политической науки, в особенности теории международных отношений и исследований в сфере безопасности. Отмечается, что в последние десятилетия изучение феномена силовых угроз стало одним из важнейших направлений в рамках указанных научных дисциплин, особенно в англоязычной литературе, преимущественно увязываясь с такими концепциями, как *теория сдерживания* и *теория принуждения*.

В современных исследованиях по международным отношениям и в сфере безопасности обе указанные парадигмы зачастую рассматриваются как дихотомические элементы в рамках общей проблематики *силовой политики (coercion)*. *Силовая политика* характеризуется как «отличительный тип стратегии, целью которой является использование угроз для давления на другого актора, чтобы сделать что-то против его желания (*принуждение - compellence*) или же заставить воздержаться от того, что планировалось сделать (*сдерживание - deterrence*)»⁴⁹.

Сдерживание и принуждение отличаются, в первую очередь, исходя из своей основной цели: сохранения или же наоборот – изменения существующего статус-кво в конфликтной ситуации, а не с учетом количественных или качественных параметров своего военного, экономического или иного потенциала. Обладающая значительным силовым потенциалом и заинтересованная в сохранении существующего статус-кво сторона также может использовать сдерживание в различных ситуациях на глобальном и региональном уровне. Например, США традиционно сохраняют сдерживание как ключевой элемент своей политики национальной безопасности еще с периода Холодной войны.

Во второй подглаве, называющейся **Основные составляющие современной теории сдерживания**, рассматривается краткая типология и классификация составляющих элементов сдерживания. Это позволяет лучше понять механизм функционирования и специфические особенности теории сдерживания в контексте региональных конфликтов, внести ясность в некоторые концептуальные аспекты и терминологию с целью достижения большей теоретической стройности и последующего практического проецирования на Карабахский конфликт.

Хотя, как и в большинстве общественно-политических наук, однозначного консенсуса у специалистов по данной типологии не существует,

⁴⁹ *Security Studies: An Introduction*, ed. by Paul D. Williams, New York, 2008, p.216.

тем не менее, представляется целесообразным типология сдерживания согласно следующим основным критериям:

- в соответствии с *сущностью сдерживания* – ядерное, с использованием иных видов ОМП (химического и бактериологического оружия), или же на основе обычных вооружений (конвенциональное сдерживание);
- в соответствии с *определением субъекта сдерживания и/или распространением обязательств* – «узкое» («минимальное») и «расширенное» сдерживание;
- в соответствии с *динамикой и временным охватом сдерживания* – «общее» и «непосредственное» («ситуационное») сдерживание;
- по *характеру реализации угроз* – «сдерживание наказанием» и «сдерживание лишением».

В соответствии с *сущностью* реализации возможных угроз военно-политическое сдерживание теоретически мыслимо как *ядерное*, с применением других видов ОМП (химического и бактериологического) или как *конвенциональное*, с применением обычных вооружений. В период Холодной войны и биполярного противостояния сверхдержав основной упор в теории и практике сдерживания делался на сдерживающий потенциал ядерного оружия. Однако на рубеже 1970-1980-х гг. и особенно после окончания Холодной войны все большее значение стала приобретать имеющая глубокие исторические корни тематика сдерживания обычными (конвенциональными) вооружениями, особенно применительно к региональным конфликтам. Очевидно, что в ситуации Карабахского конфликта и без вовлечения внешних акторов – ядерных сверхдержав, речь может идти лишь о конвенциональном сдерживании.

В соответствии с *определением субъекта сдерживания и/или распространением обязательств по его реализации*, сдерживание может характеризоваться как «узкое» (иногда еще называется «минимальное») и «расширенное». «Узкое» сдерживание непосредственно касается обеспечения безопасности и интересов самой сдерживающей стороны, тогда как «расширенное» сдерживание применяется в ситуации, когда военно-политические гарантии и обязательства сдерживания распространяются также на другую страну (группу стран).

Исходя из указанной типологии, в Карабахском конфликте мы сталкиваемся со смешанным вариантом сдерживания. С одной стороны, очевидно, что имеет место ситуация «расширенного» сдерживания. Во всех основных концептуальных документах в сфере безопасности и обороны – Стратегии национальной безопасности, Военной доктрине и др., Армения зафиксировала четкие обязательства перед Нагорным Карабахом, как гарант его безопасности и представитель интересов НКР на международной арене⁵⁰.

⁵⁰ Об основных этапах и методологии разработки Стратегии национальной безопасности Республики Армения см. подробнее: Kotanjian H.S., *Developing Armenian National*

Таким образом, возникает ситуация «расширенного» сдерживания – Армения своими военно-политическими гарантиями сдерживает Азербайджан от возобновления боевых действий против Нагорного Карабаха. Одновременно с этим Армения осуществляет сдерживание в отношении того же Азербайджана применительно к собственной безопасности, поскольку военно-политическое руководство Азербайджана неоднократно заявляло о готовности нанести военные удары по всей территории Армении⁵¹. В данном случае очевидна ситуация «минимального» или «узкого» сдерживания, когда Армения реализует политику сдерживания для противодействия вероятной агрессии со стороны Азербайджана (частично – и Турции). Наконец, в свою очередь сама Армения является также бенефициарием «расширенного» сдерживания, с учетом распространения на нее военных гарантий безопасности со стороны России и ОДКБ.

В соответствии с параметрами динамики и временного охвата, сдерживание может подразделяться на «*общее*» и «*непосредственное*» («*ситуационное*»). Первое подразумевает совокупность военно-политических мер по парированию в самых общих чертах фундаментальных угроз безопасности страны, даже если они направлены против конкретного противника с целью удержания его от развязывания прямой военной агрессии. «Общее» сдерживание, как правило, не имеет временных рамок, осуществляется непрерывно и с учетом долговременного стратегического планирования.

В свою очередь, «непосредственное» или «ситуационное» сдерживание возникает в форс-мажорных ситуациях, накануне или в период кризисов, когда вероятный противник «планирует или уже готовится к нападению» или же необходима четкая реакция, чтобы развеять сомнения противника о степени решимости и состоятельности угроз сдерживающей стороны – именно тогда и включаются механизмы «ситуативного» сдерживания⁵². «Ситуационное» сдерживание также реализуется в случае возникновения форс-мажорных ситуаций регионального уровня, когда внешние факторы и акторы оказывают такое влияние непосредственно на военно-политическую обстановку или военный баланс в зоне конфликта, которое способно снизить действенность «общего» сдерживания.

Элементами «непосредственного» сдерживания в кризисных ситуациях могут быть: эффективная «сигнализация» (военные парады, учения в непосредственной близости от зоны конфликта, визиты руководителей

Security Strategy in the Context of the Regional Security Architecture of the South Caucasus, SNSSEE-NDU, Washington, 2005; Об особенностях мирового опыта по разработке важнейших концептуальных документов в сфере национальной безопасности см. подробнее: Минасян, Сергей, «Мировой опыт принятия концепций национальной безопасности», *21-й Век*, №3(13), 2006.

⁵¹ *Министр обороны: «Вооруженные силы Азербайджана имеют возможность уничтожить любую цель на территории Армении»*, Day.az, 24.04.2010.

⁵² Morgan, Patric M., *Deterrence Now*, p.9.

дружественных и союзных государств военно-политического характера), демонстративные приобретения новых видов вооружения и военной техники (ВВТ), инициирование соответствующей реакции союзных государств и международных организаций (заключение новых договорно-правовых актов военно-политического характера, обсуждение обстановки в международных организациях), полная или частичная мобилизация, введение чрезвычайного положения и т.д. «Ситуационное» сдерживание в определенных рамках может включать в себя и непосредственные силовые акции в виде ответных карательных действий ограниченного/пропорционального масштаба для парирования попыток прощупывания решимости сдерживающей стороны.

В соответствии с *характером реализации угроз* «возмездия» выделяется также два основных типа сдерживания: *сдерживание наказанием* и *сдерживание лишением*⁵³. Первый тип – *сдерживание наказанием* – был особенно актуален для ядерного биполярного противостояния сверхдержав в период Холодной войны. Он предполагал нанесение противнику (его территории, населению, промышленности, инфраструктуре) неприемлемого ущерба ракетно-бомбовыми ударами в случае инициирования агрессии, вне зависимости от самого исхода боевых действий. Предполагалось, что просчитав все возможные издержки от ответного удара возмездия, вероятный противник откажется от идеи начала военных действий.

В последние десятилетия *сдерживание наказанием* стало актуальным и применительно к конвенциональному сдерживанию, когда наряду с повышением точности и поражающей мощи обычных вооружений технологическое развитие многих государств «достигло таких значений, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы»⁵⁴.

Соответственно, при анализе ситуации вокруг Карабахского конфликта, также как и при планировании американскими и советскими стратегами ядерного сдерживания (или в ходе региональных конфликтов «Третьего мира») времен Холодной войны, основными целями конвенционального *сдерживания наказанием* будут являться не только вооруженные силы и военные объекты вероятного противника, но и инфраструктурные и промышленные предприятия, а также военно-политическое руководство. Очевидно, что приоритетными целями такого рода *противоценостной стратегии* армянских сторон будут являться в первую очередь объекты

⁵³ Snyder, Glenn H., *Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security*. Princeton University Press, 1961, (reprinted in: Snyder, Glenn H., "Deterrence and Defense", *The Use of Force: Military Power and International Politics*, Fourth Edition, ed. by Robert J. Art and Kenneth N. Waltz, University Press of America: Lanham-New York-London, 1993), p.360-361.

⁵⁴ Буренок В.М., Ачасов О.Б., «Неядерное сдерживание», *Военная мысль*, №12, 2007, с.12.

промышленной добычи и переработки энергоресурсов, пути их транспортировки и сопутствующая инфраструктура.

В основе другого типа сдерживания – *сдерживания лишением* – лежит идея убеждения вероятного противника в том, что если на предыдущем этапе *сдерживание наказанием* окажется неэффективным и он (невзирая на ущерб от возможного возмездия) решится прибегнуть к военным действиям, тем не менее столкнется с таким сопротивлением, что не сможет добиться успеха и достичь своих военно-политических целей. Надо особо подчеркнуть важное преимущество *сдерживания лишением* с использованием обычных вооружений в отличие от *сдерживания наказанием*. Если *сдерживание наказанием* потерпело неудачу, то силы и средства, ранее созданные и сформированные для реализации *сдерживания лишением*, могут быть использованы уже для ведения боевых действий и достижения успеха в конвенциональном конфликте.

Следующая подглава исследует **Механизм реализации и пределы эффективности сдерживания**. В ней отмечается, что структурно механизм реализации сдерживания подразумевает наличие трех основных составляющих элементов:

- *Потенциал сдерживания* (в первую очередь, в виде военно-технической компоненты его реализации);
- *Реалистичность и убедительность сдерживания* (наличие политической воли и решимости реализовать декларируемые угрозы в случае провала сдерживания, в том числе в восприятии вероятного противника);
- *Эффективность сигнализации* (возможность коммуникации с вероятным противником для донесения до него соответствующей информации относительно двух предыдущих элементов сдерживания).

Очевидно, что для эффективной реализации любого типа сдерживания необходимо наличие значительного и боеспособного военно-технического *потенциала*. В случае с конвенциональным сдерживанием этот потенциал, в первую очередь, должен включать в себя две взаимосвязанные составляющие:

1. наличие крупнокалиберных реактивных систем залпового огня (РСЗО), оперативно-тактических и тактических ракетных систем дальнего и среднего радиуса, других типов средств дальнего поражения (к примеру, бомбардировочной и штурмовой авиации) для нанесения ударов по чувствительным целям в глубине территории вероятного противника (*сдерживание наказанием*);
2. эффективного «оборонительного потенциала» для недопущения достижения вероятным противником быстрой и убедительной победы уже в случае развязывания конфликта (*сдерживание лишением*).

Важнейшей характеристикой любого типа сдерживания, будь то ядерное или же сдерживание обычными (конвенциональными) видами вооружений и военной техники (ВВТ), является также вопрос ее *убедительности*, или, иными словами, осознания вероятным противником неотвратимой

реалистичности возмездия и издержек от развязывания агрессии. Как отмечал французский военный теоретик Пьер Галлуа, «любая сторона тем скорее откажется подвергать себя риску войны, чем более подготовленным и решительным будет представляться ей противник»⁵⁵. Сдерживание «работает» лишь тогда, когда в представлениях военно-политического руководства сдерживаемой страны есть осознание того, что силовой потенциал противника (демонстрирующего политическую волю и решимость) способен нанести непоправимые потери при инициировании боевых действий и/или не позволит достичь поставленных оперативных задач.

У сдерживания также есть собственные концептуальные ограничения. В частности, серьезной проблемой при оценке эффективности политики сдерживания является то, что ее успех зачастую проявляется лишь в том, что «ничего не произошло»⁵⁶. Очень сложно прояснить, явился ли отказ сдерживаемой стороны от своих намерений результатом осознания издержек от реализации своих же шагов или же другие факторы сыграли роль в успехе сдерживания.

Применительно к Карабахскому конфликту это означает, что армянским сторонам очень сложно убедить (и заставить признаться) противоположную сторону в том, что невозобновление военных действий происходит именно в результате эффективной реализации сдерживания. Скорее всего противоположная сторона также не захочет признать, что комбинация иных факторов (позиция внешних акторов, расчет на долгосрочный эффект экономической блокады, или даже «миролюбивость и проявление доброй воли» азербайджанского руководства) не является более существенным ограничением возобновления войны, чем реальное военно-стратегическое сдерживание. Так же, как это сложно осознать противоположной стороной, не менее сложно объяснить и донести эту идею до общественности и политических элит сдерживающей стороны (сторон). Естественно, это усложняет долгосрочную реализацию сдерживания, с учетом важности общественных настроений для эффективных политических действий в странах с определенным уровнем демократичности.

Одной из наиболее существенных для конвенционального сдерживания проблем является вопрос убедительности и адекватного восприятия угроз возмездия со стороны противника. Смежной с ней является проблема рациональности принятия решений противником при реализации в отношении него политики сдерживания. В частности, в рамках т.н. «теории перспектив» – модели принятия решений в рискованных ситуациях – отмечается, что в конфликтных ситуациях стороны готовы пойти на неизбежные риски и понести существенные издержки, чтобы предотвратить потери более в ценных и важных сферах. В процессе принятия решений сдерживаемая сторона учитывает не только потенциальные риски и издержки совершения им

действия, но и, что немаловажно, также и потенциальные риски своего бездействия⁵⁷.

Наконец, очень серьезным концептуальным изъяном любого типа сдерживания является то, что оно не способно решить проблему урегулирования конфликта. Сдерживание лишь содействует выигрышу сторонами времени посредством замораживания конфликта и сохранения ситуации статус-кво. Однако и это достижение, обеспечиваемое в случае эффективной реализации сдерживания, также нельзя преуменьшать и недооценивать. В долгосрочной перспективе сдерживание может создать основу для снижения напряженности и создания основ для поиска взаимного компромисса по мере деактуализации конфликта в общественных настроениях конфликтующих сторон. Как подчеркивается в классическом труде по данной тематике, «сдерживание предоставляет противостоящим сторонам время для выработки согласования своих конфликтующих интересов, тем самым снижая напряженность и потенциал открытого конфликта в их отношениях»⁵⁸.

В четвертой подглаве, которая называется **Взаимодействие конвенционального сдерживания и военно-стратегических составляющих** отмечается, что логика и механизм реализации конвенционального сдерживания напрямую сопрягаются с военно-стратегическими отношениями и зачастую действуют в соответствии с основными принципами классической военной науки и военного искусства.

Соответственно, анализ конвенционального сдерживания при его проецировании на любой региональный конфликт невозможен без применения инструментария военно-стратегических исследований. Логика конвенционального сдерживания базируется на ряде важнейших взаимосвязанных военных и военно-стратегических факторов, таких как:

1. Восприятие потенциальным агрессором возможности достижения «быстрой победы»;
2. Критически важная роль «сдерживания лишением» в конвенциональном сдерживании, с учетом выбранных военных стратегий и характера военно-политических целей в конфликте;
3. Комплексный военный баланс (соотношение качественно-количественных параметров);
4. Соотношение между оборонительными и наступательными потенциалами.

Отмечается, что государства, намеревающиеся инициировать конвенциональную агрессию, по мере возможностей всегда стремятся к быстрому, «дешевым» и малозатратным победам, готовя свои вооруженные

⁵⁵ Галлуа, Пьер, *Стратегия в ядерный век*, М., 1962, с.131.

⁵⁶ Freedman, Laurence, "Framing Strategic Deterrence: Old Certainties, New Ambiguities", *The RUSI Journal*, Vol.154, No4, August 2009, p.47-48.

⁵⁷ Gerson, Michael, "Conventional Deterrence in the Second Nuclear Age", *Parameters, Journal of the US Army War College*, Vol.39, No3, Autumn, 2009, p.41.

⁵⁸ George, Alexander, Smoke, Richard, *Deterrence in American Foreign Policy*, New York: Columbia University Press, 1974, p.5.

силы и разрабатывая военные стратегии для стремительных войн, а не для долговременных затяжных войн на истощение.

Другим важнейшим военно-стратегическим фактором (тесно взаимосвязанным с предыдущим) при реализации конвенционального сдерживания является то, что как уже было отмечено, оно преимущественно базируется на *сдерживании лишением*. Т.к. инициаторы агрессии преимущественно стремятся к быстрым и малозатратным конфликтам, то успех конвенционального сдерживания во многом зависит от способности убеждения противника в том, что он не сможет достичь своих военно-политических целей в результате стремительных, краткосрочных и успешных боевых действий. Соответственно, сдерживающий эффект достигается от вероятности вовлечения противника в долгую и затратную войну на истощение⁵⁹. При этом сама длительность войн и вооруженных конфликтов во многом определяется их характером, военно-политическими целями, ради которых они были развязаны, и военными стратегиями их достижения.

Третьим важнейшим военным фактором, который необходимо учитывать при возможности реализации конвенционального сдерживания, является оценка комплексного военного баланса (качественно-количественного потенциала) конфликтующих сторон. Речь, в первую очередь, идет именно об оценке военных потенциалов, а не только о механическом сравнении количественных параметров конфликтующих сторон в реализации конвенционального сдерживания. Понятие военный (военно-технический) баланс абсолютно не означает, что он зависит исключительно от количественно-арифметического соотношения вооруженных сил противостоящих сторон, от численности их личного состава и имеющегося у них ВВТ. Теория военного искусства в настоящее время не содержит «удовлетворяющих практику количественных законов, имеющих адекватное математическое выражение, необходимое для точного прогнозирования хода вооруженной борьбы»⁶⁰.

Соответственно, применительно к конвенциональному сдерживанию необходимо при анализе военного баланса также рассматривать сравнение качественно-количественных потенциалов сторон. Такое сравнение учитывает сложное соотношение между качественными и количественными параметрами при анализе боеспособности конфликтующих сторон с учетом таких динамично меняющихся параметров, которые невозможно измерить обыкновенным статичным арифметическим сравнением. Многие из этих факторов достаточно очевидны, но очень сложно их измерить или сравнить, как минимум, в мирных условиях.

При этом очевидно, что реализуемость конвенционального сдерживания во многом зависит от того, насколько военно-политическое руководства

⁵⁹ Gerson, Michael, "Conventional Deterrence in the Second Nuclear Age", *Parameters, Journal of the US Army War College*, Vol.39, No3, Autumn, 2009, p.37.

⁶⁰ Ваккауз, М.Ф., «Сущность и механизм действия законов вооруженной борьбы, количественно отражающих ее характер», *Военная мысль*, №3, 2008, с.71.

страны – вероятного агрессора способно адекватно и реально оценивать соотношение качественно-количественных военных потенциалов в конфликте. Это важен не просто фактический качественно-количественный анализ военных потенциалов, но и реалистичное восприятие военного баланса со стороны военно-политического руководства вероятного агрессора. Как подчеркивается экспертами в сфере военно-стратегических исследований, «сдерживание зависит не только от намерений сдерживающего, но и от убеждений сдерживаемого»⁶¹.

Важным фактором в конвенциональном сдерживании является также проблема соотношения между наступательными и оборонительными потенциалами противостоящих сторон. В конвенциональном сдерживании необходим комплексный анализ соотношения оборонительных/наступательных вооружений сторон, с одновременным учетом качественно-количественных потенциалов противостоящих сторон. Развитие военных технологий и методов ведения боевых действий в региональных конфликтах еще более усложнили такого рода анализ.

Например, это касается возможности ударной авиации страны-инициатора в сопоставлении с системой ПВО страны, осуществляющей сдерживание или аналогичного соотношения между бронетанковым парком страны-агрессора и ракетно-артиллерийскими системами противотанковой обороны сдерживающей страны. Еще с конца 1970-х гг., опыт локальных конфликтов (особенно арабо-израильской войны Судного дня 1973 г.) и динамики развития военных технологий показали, что развитие высокоточного управляемого оружия «поля боя» существенно облегчает ассиметричное конвенциональное сдерживание при использовании наступающей стороной стратегии «блицкрига». Высокоточное управляемое оружие в арсенале сдерживающей стороны тем самым играет роль т.н. «противооружия» (в первую очередь - ПТРК, ПЗРК, мобильные ЗРК и ЗАСУ), эффективно нивелирующего количественное превосходство вероятного агрессора по т.н. «наступательным типам» ВВТ (танкам, ББМ, ударной и армейской авиации)⁶².

В условиях, когда оборона имеет относительно преимущественно и лучшие предпосылки для успеха перед нападением, что является необходимым условием реализации конвенционального сдерживания, это также может привести к определенной асимметрии приложения усилий и ресурсов в случае развязывания долговременной гонки вооружений стороной, стремящейся развязать боевые действия и изменить ситуацию сложившегося статус-кво. Если одна из сторон пытается, используя те или иные свои возможности, увеличить свой качественный и количественный военный потенциал, сдерживающая сторона может вернуть предыдущий уровень обеспечения своей безопасности с меньшими затратами на свои вооруженные

⁶¹ Betts, Richard, "Conventional Deterrence: Predictive Uncertainty and Policy Confidence", *World Politics*, Vol.37, No2, January, 1985, p.175.

⁶² См. подробнее: Mearsheimer, John, J., *Conventional Deterrence*, p.189-202.

силы⁶³. Тем самым, возникает ситуация паритетной асимметричной гонки вооружений.

Применительно к Карабахскому конфликту это может включать в себя систему военно-технических мер, направленных на поддержание качественно-количественного паритета во многом в виде приобретения т.н. «оружия противодействия». Например, в ответ на закупки Азербайджаном боевых самолетов и вертолетов, или бронетехники армянская сторона ставит на вооружение менее дорогостоящие системы ПВО или ПТРК, усиливает инженерно-техническое оборудование своих оборонительных линий и фортификационных сооружений. При этом важной особенностью асимметричной гонки вооружений в Карабахском конфликте является то, что ее военно-политическим измерением является способность армянских сторон поддерживать и компенсировать паритет военных потенциалов за счет льготных поставок вооружения страной-союзником или сотрудничества/партнерства в рамках военно-политических союзов.

Последняя, пятая подглава – **Взаимодействие конвенционального и политико-дипломатического сдерживания** показывает, что любой вид сдерживания, будь то ядерное или конвенциональное, кроме военного и военно-технического измерения, имеет также политическое и дипломатическое измерение. В этом контексте важным вопросом, напрямую соприкасающимся с реализацией политической компоненты конвенционального военного сдерживания, является его соотношение с политико-дипломатическим сдерживанием. Оно включает в себя как политическую составляющую сдерживания путем устрашения противника (*deterrence*), так и сдерживание путем ограничения противника (*containment*). Политико-дипломатическое сдерживание путем ограничения противника (разработка теории *containment* связывается с именем классика американской политической науки и дипломатии периода Холодной войны Джорджа Кеннана), использовалось в качестве политико-экономических шагов по противодействию противнику в реализации его внешней политики, как, например, сдерживание Советского Союза и противодействие распространения коммунистической идеологии со стороны США⁶⁴.

Применительно к тематике диссертационной работы данная концепция предполагает совокупность мер политического и дипломатического характера, направленных на сохранение стабильности и недопущения возобновления боевых действий в зоне Карабахского конфликта, с использованием преимущественно внешнеполитических ресурсов конфликтующих сторон, а также с действенным вовлечением третьих стран и великих держав. Кроме

⁶³ Jervis, Robert, "Cooperation under the Security Dilemma", *World Politics*, Vol.30, No2, January, 1978, p.188.

⁶⁴ Подробнее о развитии теории и практики политико-дипломатического сдерживания см.: Gaddis, John Lewis, *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy During the Cold War*, (Revised and Expanded Edition), New York: Oxford University Press, 2005.

этого, надо учитывать, что в современной западной политической науке и исследованиях в сфере международных отношений в последнее время рассматривается проблематика осуществления сдерживания, основанного также на ресурсах дипломатии, а не только «классического» сдерживания, базирующегося на силовом потенциале и/или угрозы применения силы сдерживающей стороной. С данной точки зрения сдерживание приобретает форму использования определенного рода политического лексикона в виде угроз, «с целью донесения информации о том, что государство намеревается воевать из-за спорного вопроса/вопросов, и таким образом, угрозы сдерживания являются также формой дипломатии»⁶⁵.

Иными словами, анализируется влияние внешнеполитического контекста и вовлеченности внешних акторов в региональную безопасность на Южном Кавказе и во взаимоотношениях со сторонами Карабахского конфликта в контексте реализации сдерживания. Кроме этого, политико-дипломатическое сдерживание, реализуемое армянскими сторонами, рассматриваются во взаимоотношении со стратегией военно-политического принуждения, применяемой на данном этапе Азербайджаном в его попытках изменить сохраняющееся положение дел (или нынешний статус-кво) в конфликте.

Исходя из этого, в теории сдерживания очень трудно отметить ту грань, где кончается сдерживание военно-политическими методами (*deterrence*) и начинается политико-дипломатическое сдерживание путем ограничения (*containment*). Особенно это касается роли военно-политических союзов и вовлечения третьих стран в конфликтное урегулирование, режимов контроля над вооружениями, поддержания регионального военного паритета, т.е. политико-дипломатического обеспечения эффективности силовой составляющей на уровне «общего» или «стратегического» сдерживания⁶⁶.

Вместе с тем, не надо также забывать, что один из основоположников стратегии сдерживания путем ограничения Джордж Кеннан рассматривал военно-политическое сдерживание в качестве основной и органической составляющей политико-дипломатического сдерживания. Данная традиция рассмотрения указанных двух видов сдерживания не как равновеликих политических категорий, находящихся между собой в симметричной связи, а в качестве составного элемента в рамках другого, более широкого феномена, во многом разделяется и многими исследователями в сфере безопасности (преимущественно американскими) в период после завершения Холодной войны. В частности, ими также отмечается, что военно-политическое сдерживание (*deterrence*), является «фундаментальной основой американского политико-дипломатического сдерживания (*containment*)»⁶⁷.

Достаточно полно синтез политико-дипломатического и военного сдерживания разработан в рамках концепции т.н. «осевого сдерживания»,

⁶⁵ Sartori, Anne E., *Deterrence by Diplomacy*, Princeton University Press, 2005, p.4.

⁶⁶ Morgan, Patric M., *Deterrence Now*. Cambridge University Press: Cambridge, 2003, p.85.

⁶⁷ Harknett, Richard J., "The Logic of the Conventional Deterrence and the End of the Cold War", *Security Studies*, Vol.4, No1, Autumn, 1994, p.86.

выдвинутого американским исследователем Тимоти Кроуфордом⁶⁸. «Осевое сдерживание» является политическим феноменом вовлечения третьей стороны (сторон) в недопущение возможного вооруженного конфликта между двумя противостоящими сторонами, зачастую вопреки желанию одной или всех конфликтующих сторон. Реализация такого рода сдерживания предполагает наличие своего рода «политического треугольника» из двух конфликтующих сторон и третьей стороны, которая в политическом плане находится между потенциальными соперниками, занимая осевое положение и сохраняя с ними тесные политические, экономические и военно-политические отношения (даже в некоторых случаях имея союзнические отношения и гарантии безопасности). Это позволяет осевой стороне предотвратить конфликт, угрожая сторонам тем, что она в случае конфликта поддержит в военно-политическом плане другую сторону, или же наоборот – откажется поддержать в военно-политическом плане инициатора военных действий, если тот решится начать боевые действия.

Вторая глава диссертационной работы называется КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ. Первая подглава рассматривает в самых общих рамках основные **Особенности проецирования логики конвенционального сдерживания на Карабахский конфликт**. В ней отмечается, что эффективная реализация «сдерживания наказанием», т.е. способность нанесения «ущерба жизненно важным интересам и объектам государств – потенциальных агрессоров, заведомо превышающего выгоды от осуществления агрессии»⁶⁹, является стержневым параметром любого типа сдерживания, в том числе и конвенционального.

Как отмечают теоретики конвенционального сдерживания, «на практике, сильная и гибкая стратегия конвенционального сдерживания должна комбинировать оба этих механизма, т.к. некоторые противники с большей вероятностью могут быть сдержаны под угрозой наказания, тогда как другие – под угрозой лишения»⁷⁰. Конвенциональное «сдерживание наказанием» стало актуальным и эффективным особенно в последние десятилетия, когда наряду с повышением точности и поражающей мощи обычных вооружений технологическое развитие многих государств «достигло таких значений, когда разрушение отдельных элементов инфраструктуры, коммуникаций, систем управления может привести к катастрофическим последствиям, способным отбросить государство в его развитии назад на многие годы»⁷¹.

⁶⁸ Crawford, Timothy, *Pivotal Deterrence: Third-Party Statecraft and the Pursuit of Peace*, Ithaca: Cornell University Press, 2003.

⁶⁹ Буренок В.М., Ачасов О.Б., «Неядерное сдерживание», *Военная мысль*, №12, 2007, с.12.

⁷⁰ Gerson, Michael, "Conventional Deterrence in the Second Nuclear Age", *Parameters, Journal of the US Army War College*, Vol.39, No3, Autumn, 2009, p.37.

⁷¹ Буренок В.М., Ачасов О.Б., «Неядерное сдерживание», *Военная мысль*, №12, 2007, с.12.

Исходя из этого, во второй подглаве – «Сдерживание наказанием» и перспективы «дистанционной войны» в Карабахском конфликте рассматриваются возможности по осуществлению армянскими сторонами «сдерживания наказанием» в качестве одного из ограничительных средств по возобновлению Азербайджаном боевых действий в Нагорном Карабахе. Рассматриваются как военно-технический потенциал армянских сторон по реализации «сдерживания наказанием», так и возможные меры противодействия со стороны вероятного противника и меры по их противодействию.

Несмотря на определенные трудности военно-технического характера, в обозримом будущем Азербайджан, с его особой «чувствительностью» к безопасному функционированию нефтяной инфраструктуры, будет продолжать оставаться уязвимой целью для конвенционального сдерживания «путем наказания». При этом также очевидно, что никакие соображения политического плана не скажутся на решимости армянских сторон, особенно НКР, реализовать эту угрозу непосредственно в случае агрессии Азербайджана. В политике сдерживания угрозы являются действительными, если сдерживающая сторона готова их реализовать при любых условиях, что жизненно важно для реалистичности и убедительности армянского «сдерживания наказанием».

Кроме того, существует еще один дополнительный фактор, способствующий решимости и даже заинтересованности армянских сторон в безусловном нанесении ударов «возмездия» в первую очередь по объектам энергетической инфраструктуры Азербайджана (как, впрочем, и по другим важным противостоющим целям в глубине территории этой страны). В представлениях азербайджанской политической элиты и общественности вся политическая, экономическая, финансовая и даже психологическая сила Азербайджана и его место в региональной политике заложены в первую очередь в функционировании нефтегазовой промышленности. Поэтому даже не стопроцентное уничтожение объектов нефтегазовой промышленности и инфраструктуры в случае инициирования Баку военных действий в зоне Карабахского конфликта не только будут иметь существенное финансово-экономическое и психологическое значение для этой страны, но и на долгий период снизят приоритетность этой страны в геополитических приоритетах внешних игроков. Очевидно также, что в случае возобновления боевых действий и уничтожения многих объектов азербайджанской нефтепромышленной инфраструктуры, впоследствии на многие годы иностранные компании вряд ли решатся на их восстановление и дальнейшее инвестирование миллиардных энергетических проектов в Азербайджане. Кроме всего прочего, это обстоятельство также существенно снизит ресурсы Азербайджана для возвращения к реваншистским действиям в последующий период.

Очевидно, что «противоценностное» сдерживание, особенно в случае дальнейшего увеличения и модернизации его военно-технической составляющей, будет оставаться одним из краеугольных элементов не только

реализуемой армянскими сторонами политики сдерживания, но и в более широкой перспективе – всей военно-политической стратегии Еревана и Степанакерта в Карабахском конфликте. Подтверждением решимости армянских сторон использовать потенциал сдерживания стали крупнейшие за всю историю постсоветской Армении стратегические командно-штабные учения, прошедших в октябре 2012 г. одновременно с крупномасштабными маневрами карабахской армии в Нагорном Карабахе, в ходе которых армянской армией были смоделированы превентивные ракетные удары по военной и экономической инфраструктуре условного противника⁷².

Соответственно, «сдерживание наказанием» в ситуации Карабахского конфликта может являться достаточно действенной и эффективной опцией для противодействия азербайджанской агрессии, но не дающей полной гарантии успеха. В определенных условиях, особенно с учетом довольно низкой чувствительности нынешнего азербайджанского руководства к возможным невоенным потерям, «сдерживание наказанием», базирующееся на возможности ракетно-артиллерийских ударов возмездия, может быть недостаточным.

Наряду с этим, имеющийся (и перспективный) военно-технический потенциал «сдерживания наказанием» в дальнейшем может сыграть существенную роль по усилению более масштабной и более сложной реализации армянскими сторонами «сдерживания лишением», в частности, при осуществлении оборонительных операций оперативного масштаба. В частности, по мнению армянских военных специалистов, превентивное использование в обороне потенциала дальнебойных средств огневого поражения, в том числе ракетных комплексов и крупнокалиберных РСЗО (при поддержке приданными формированиями РЭБ, инженерных войск, частей специального назначения и разведывательных подразделений), может быть особо эффективным для предотвращения массированного использования средств воздушного и ракетно-артиллерийского нападения противником в начальный период боевых действий (наступательной операции)⁷³.

Третья подглава называется «Сдерживание лишением» и анализ военных потенциалов сторон в Карабахском конфликте. В соответствии с ранее рассмотренными военно-стратегическими параметрами, можно предполагать, что в случае возобновления при инициативе Азербайджана боевых действий вокруг Нагорного Карабаха, скорее всего, будут иметь характер т.н. «войны с ограниченными целями». Как показывают теоретические основы конвенционального сдерживания и военно-стратегических исследований, при таком характере боевых действий их инициатор может как выбрать стратегию блицкрига, так и рассматривать использование стратегии «войны на истощение». Соответственно, с точки

⁷² ВС Армении обрабатывают ракетную технику в условиях полномасштабных военных действий, <http://www.regnum.ru/news/1582239.html>, 15.10.2012.

⁷³ Хачатрян, Хачатур, «Особенности построения обороны оперативного масштаба в современных условиях», *Военная мысль*, №10, 2009, с. 76.

зрения осуществления конвенционального сдерживания, особо рассматривается реалистичность осуществления блицкрига (или восприятия ее осуществимости со стороны азербайджанского руководства) в качестве вероятного сценария протекания боевых действий, т.к. при этом вероятность провала сдерживания будет наибольшей.

С учетом концептуальных особенностей конвенционального сдерживания, эта проблема рассматривается в первую очередь в контексте «сдерживания лишением». При этом особый упор (с использованием методологии сравнительного анализа на основе опыта многих локальных конфликтов последних десятилетий и других релевантных примеров) сделан на динамичном анализе качественно-количественных потенциалов противостоящих сторон, соотношения их наступательных и оборонительных возможностей, роли фортификационных сооружений и структуры обороны, а также географических факторов.

В указанной подглаве обосновывается тезис о том, что хотя чисто военные факторы создают все предпосылки для длительного характера возможных боевых действий, то политические факторы, наоборот, не дают оснований предполагать, что сторонам представится возможность вести длительную войну. И причина не в том, что одна из сторон будет в состоянии достичь быстрого и убедительного блицкрига или в кратчайшее время истощит противника и принудит его к миру. Самым существенным военно-политическим ограничителем длительной военной кампании в Карабахе будет позиция внешних игроков, в том числе – ведущих мировых держав. Можно предположить, что мировое сообщество не позволит сторонам вести долговременные боевые действия в таком стратегически важном регионе мира, в такой близости от значительных запасов нефти и газа, на таком стыке интересов и противоречий вовлеченных в региональную политику ведущих ядерных держав и двух военно-политических блоков – НАТО и ОДКБ.

Кроме политических ограничений, позиция международного сообщества и/или отдельных внешних акторов может создать для Азербайджана также и ограничения чисто военного характера в случае принятия им решения на возобновление боевых действий. К примеру, они могут просто не позволить Азербайджану достичь эффекта стратегической внезапности. В условиях, когда великие державы не хотят войны, но имеют достаточно ресурсов для разведки и мониторинга обстановки вдоль линии фронта в Нагорном Карабахе (от возможностей по ведению агентурной разведки до спутникового и электронного слежения в реальном времени), для Баку будет очень трудно провести мобилизацию, выдвижение войск к границам Нагорного Карабаха и т.д. таким образом, чтобы это прошло незамеченным для влиятельных внешних акторов. В самое кратчайшее время об этом узнают в Москве и в Вашингтоне, а затем уже и в Ереване и в Степанакерте.

Рассматривая проблему конвенционального сдерживания в Карабахском конфликте, нельзя не уделить внимание также внешним военно-политическим факторам, в том числе в контексте концепции «расширенного сдерживания», усиливающего ресурсы и возможности армянских сторон по невозобновлению

боевых действий. В четвертой подглаве – **Фактор «расширенного сдерживания» в Карабахском конфликте**, этот вопрос рассмотрен в контексте имеющихся у Армении гарантий безопасности и взаимной помощи как в двустороннем (союзнические обязательства с Россией), так и в многостороннем (членство в ОДКБ) военно-политических форматах. Отмечается, что возможность обеспечения «расширенного сдерживания» с использованием ресурсов ОДКБ и двусторонних армяно-российских отношений является основным приоритетом участия Армении в ОДКБ в условиях сохраняющегося Карабахского конфликта.

При этом для Еревана также очевидно, что в настоящее время готовность в полной мере выполнить свои союзнические обязательства перед Арменией в случае прямой агрессии – технически и политически мало реализуемая опция со сторон ее союзников в Центральной Азии и Беларуси. Остается Россия, что практически сводит присутствие ОДКБ на Южном Кавказе к двустороннему армяно-российскому формату. В результате, ОДКБ для Армении фактически является неким общим военно-политическим «зонтиком», под которой скрываются главные составляющие участия и интереса Еревана – двустороннее оборонное сотрудничество и военные гарантии со стороны России. Именно они и обеспечивают основные условия для эффективной реализации армянскими сторонами механизма «расширенного сдерживания» в Карабахском конфликте.

Пятая подглава называется **Угроза «случайной» войны и элементы «ситуационного» сдерживания по предотвращению возобновления боевых действий**. В ней рассмотрены возможности армянских сторон по реализации «непосредственного» (ситуационного) сдерживания как в контексте недопущения т.н. «случайной войны» в результате предпринимаемой азербайджанской стороной перманентной эскалации на линии фронта, так и в случае потенциально возможной форс-мажорной ситуации в регионе.

В подглаве дается анализ возможностей конвенционального сдерживания в ситуациях, когда вероятный агрессор достаточно осведомлен о возможных трудностях при инициировании агрессии, но возможен провал конвенционального сдерживания под влиянием случайной эскалации или резкого изменения регионального контекста. Речь идет о ситуации, когда агрессор может поддаться искушению и решиться на возобновление боевых действий под влиянием стремительного развития событий, даже при наличии негативных факторов для достижения быстрого военного успеха. При практическом анализе «ситуационного» («непосредственного») сдерживания в Карабахском конфликте актуальный интерес представляют две важнейшие проблемы: 1) способность реагировать на вооруженные инциденты непосредственно на линии фронта (недопущение их эскалации до уровня «случайной войны») и 2) применимость в случае масштабного регионального кризиса (например, негативного развития событий вокруг Ирана).

В первом случае практической задачей «ситуационного» сдерживания является противодействие использованию Азербайджаном вооруженных инцидентов «тактического» уровня в качестве элементов политического

давления в переговорном процессе и демонстрации несогласия с сохраняющейся послевоенной политической реальностью вокруг Карабаха. Эти действия Азербайджана достаточно четко укладываются в широко известную в теории сдерживания стратегию так называемого «контролируемого» давления (controlled pressure), при которой инициатор уверен, что риски изменения им статус-кво достаточно просчитаны и контролируются им, и путем осуществления мелких шагов он может заставить сдерживающую сторону пойти на уступки⁷⁴. Во втором случае озбоченность вызывает опасения, что в случае военного кризиса вокруг Ирана, пользуясь региональной и международной нестабильностью, Азербайджан может попытаться пошатнуть сложившийся региональный статус-кво и возобновить боевые действия. Иными словами, что армянское сдерживание не сработает под влиянием фактора изменения внешнего контекста, а не самого военно-политического баланса, на котором и основывается механизм реализации любого рода сдерживания.

Шестая, последняя подглава Второй главы называется **Режимы контроля над вооружениями и региональная гонка вооружений в контексте конвенционального сдерживания**. Она касается проблематики режимов контроля над конвенциональными вооружениями в контексте реализации армянскими сторонами политики сдерживания в Карабахском конфликте, в первую очередь Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Рассматриваются также вопросы того, насколько данные режимы могут быть действенными для ограничения гонки вооружений, какие политические механизмы могут быть задействованы в этом вопросе, насколько это может сказаться на «внешнем» механизме по контролю над процессами милитаризации региона.

После объявления Россией в декабре 2007 г. моратория на ДОВСЕ (и последующего выхода из него), действие Договора уже не применяется на нее, хотя остальные европейские государства «по инерции» придерживаются его. Без участия России все новые инициативы по ограничению обычных вооружений в Европе малоэффективны. Однако очевидно, что для Армении, исходя из ее политических интересов и приоритетов в сфере безопасности, выгодно было бы сохранение действий этого Договора в любых условиях. Позиция Армении состоит в том, чтобы высказывая обоснованные сомнения в реальной действенности и эффективности механизмов ДОВСЕ для сдерживания милитаризации Южного Кавказа, тем не менее, выступать за его сохранение. Договор все же является пусть и весьма формальным, но определенным правовым и политическим механизмом сдерживания, путем создания определенных политических ограничений для региональной гонки вооружений. Отчасти подтверждением этого является наличие неформального эмбарго на поставки вооружений Азербайджану большинством странам ЕС и НАТО (кроме Турции).

⁷⁴ George, Alexander, Smoke, Richard, *Deterrence in American Foreign Policy*, New York: Columbia University Press, 1974, p.536-547.

В конце второй главы подводятся ее **Основные выводы**. В них отмечается, что в настоящее время конвенциональное сдерживание в Карабахском конфликте основывается на следующих основных элементах:

- сохраняющемся качественно-количественном балансе военных потенциалов, включающем также фактор географически удобной для обороны конфигурации фронта с эшелонированной линией фортификационных укреплений;
- более благоприятном для Армении формате военно-политического вовлечения третьих сторон (членство в ОДКБ и участие в КС ОДКБ, расширенные с августа 2010 г. военные обязательства со стороны России, реформирование системы обороны РА под методологическим консультированием группы DEEP (Defense Education Enhancement Program) ИРАР НАТО и вовлеченность в миротворческие операции под эгидой НАТО), обеспечивающим возможности для реализации «расширенного сдерживания»;
- однозначного консенсуса со стороны международного сообщества в вопросе недопущения возобновления боевых действий, повышающего политическую степень ответственности вероятного агрессора в случае их инициирования;
- степени рациональности принимающего политические решения лидера, например, когда возобновление боевых действий любой ценой может быть последней надеждой сохранить власть, и поэтому возможно принятие вполне осознанного, «рационального» решения начать войну, которую он не сможет выиграть, но при этом он может рассчитывать достичь цели, которая для него в этот момент важнее – т.е. сохранение собственной власти.

В диссертации отмечается, что серьезным вызовом для убедительности реализации любого вида сдерживания, в том числе и конвенционального, является также вопрос субъективной оценки и восприятия политической реальности. Сдерживание не дает гарантий от субъективного фактора принятия лидерами политических решений, которые являются иррациональным фактически только ввиду ошибочных расчетов. Иногда факторы иного порядка, чем рациональные военно-стратегические соображения и расчеты, также могут привести к провалу сдерживания, особенно в случае конвенционального сдерживания, по своей сущности более неопределенного, чем ядерное сдерживание. Не надо забывать, что сдерживание заканчивается неудачей преимущественно в двух случаях: 1.) когда потери от попытки военным путем изменить статус-кво не превышают возможные приобретения, на которые рассчитывает наступающая сторона и 2.) сдерживание в реальности содержит необходимый уровень неприемлемых потерь, но наступающая сторона ошибается в своих расчетах и недооценивает

угрозу возмездия⁷⁵. Вполне справедливо предположить, что неправильная интерпретация уровня возможных потерь от попыток изменения существующего статус-кво может произойти на каком-то этапе и в случае с азербайджанской военно-политической элитой.

Однако, теория сдерживания, как и политическая наука в целом, не имеют на данном этапе соответствующих ресурсов и аналитического инструментария, которые могли бы преодолеть вариативность учета субъективного человеческого фактора в процессах принятия судьбоносных политических решений. С другой стороны, опыт Холодной войны показывает, что несмотря на достаточно распространенный в западных публикациях того времени стереотип о якобы неадекватности советского руководства, в реальности оно вполне рационально оценивало все риски и последствия своих политических действий в условиях биполярной конфронтации ядерных сверхдержав и взаимной реализации СССР и США политики ядерного сдерживания.

Применительно к ситуации Карабахского конфликта следует исходить из того, что на данном этапе сложилась ситуация, когда инструментарий теории сдерживания достаточно эффективно реализуется армянскими сторонами уже почти два десятилетия. Следовательно, это дает существенные основания в настоящее время оценивать поведение азербайджанской элиты как достаточно рациональное, которое при наличии существующих военно-политических ограничений (военный баланс, невозможность блицкрига, внешнеполитические ограничения и т.д.) вполне адекватно оценивает сложившуюся политическую реальность вокруг Карабахского конфликта.

С другой стороны, сдерживание, как и любая теория и практика военно-политического поведения, нуждается в постоянном совершенствовании и обновлении, с целью ее лучшего применения к изменяющейся политической ситуации. Следует постоянно помнить, что «сдерживание – главным образом психологический фактор, на котором строят свои расчеты те, кто к нему прибегает; это постоянно меняющаяся оценка того, как противник может реагировать в любой данной ситуации»⁷⁶. В ситуации Карабахского конфликта это означает, что армянским сторонам надо постоянно обновлять, анализировать и переоценивать свои представления о степени восприятия азербайджанским военно-политическим руководством эффективности реализации армянскими сторонами политики сдерживания, заблаговременно (но без излишнего алармизма) выявляя признаки появления у него ложного оптимизма и уверенности в своем военно-политическом потенциале.

Третья глава диссертационной работы называется **ПОЛИТИКО-ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ СДЕРЖИВАНИЕ В КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ**. В ее первой подглаве, озаглавленной **Особенности реализации политико-дипломатического сдерживания в Карабахском конфликте** отмечается, что

⁷⁵ Harknett, Richard J., "The Logic of Conventional Deterrence and the End of the Cold War", *Security Studies*, Vol.4, No1, Autumn, 1994, p.100.

⁷⁶ Лоу, Дж., *Век устрашения*, М.: Военное издательство, 1966, с.62.

при всей несомненной важности военно-политического измерения конфликта и использования армянскими сторонами ресурсов конвенционального сдерживания, проблема недопущения возобновления боевых действий в Карабахском конфликте решается Арменией и Нагорным Карабахом не только чисто военными и военно-политическими методами и способами. Не менее существенны также политические, дипломатические, экономические, информационные и иные аспекты сдерживания, изучению которых и посвящена третья глава данной диссертационной работы.

Для понимания общей логики реализации политико-дипломатического сдерживания в Карабахском конфликте, в первую очередь необходим анализ общих исторических и политических рамок и динамики его развития, в том числе в контексте аналогичных этнополитических конфликтов. Этому посвящена вторая подглава данной главы диссертации – **Историко-политические рамки и контекст политико-дипломатического сдерживания в Карабахском конфликте**. В ней отмечается, что при всей своей специфичности, Карабахский конфликт четко укладывается в контекст ряда «классических» этнополитических и/или этнотерриториальных вооруженных конфликтов, связанных с процессами национального строительства и этнического размежевания⁷⁷. Из числа этнотерриториальных конфликтов, именно сецессионистские и ирредентистские конфликты, сопровождающиеся возникновением новых де-факто государств, считаются в политической науке крайней и наиболее ожесточенной формой развития этнополитического конфликта. Как отмечает эксперт, в таком конфликте «компромиссное решение в принципе невозможно; конфликт может быть либо подавлен силой, либо в итоге он приведет к разрушению исходного полиэтничного общества путем его распада на два новых общества или трансформации в принципиально иной социум после эмиграции (депортации) конфликтного меньшинства»⁷⁸.

Соответственно, применительно к Карабахскому конфликту необходимо учитывать мировой опыт попыток разрешения подобного рода сложных

⁷⁷ Этнотерриториальными конфликтами являются споры и конфликты этносов и этнических групп за права проживать на определенной территории, владеть и/или управлять ею. Территориальные споры между суверенными государствами не являются классическими этнотерриториальными конфликтами, т.к. в них вовлекаются не просто этносы, а также государства и нации, при этом зачастую полиэтничные общности. Поэтому их более принято называть межгосударственными или международными конфликтами, хотя между классическими этнотерриториальными и межгосударственными конфликтами существует теснейшая связь и им свойственны во многом одинаковые законы развития и классификации. См. подробнее: Стрелецкий, Вадим, «Этнотерриториальные конфликты: сущность, генезис, типы», *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*, под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишкова и А.Малашенко, М., 1997, с.231.

⁷⁸ Ямсков, Анатолий, «Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии», *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*, под ред. М.Б.Олкотт, В.Тишкова и А.Малашенко, М., 1997, с.209.

этнополитических конфликтов, прошедших активную военную фазу и почти всегда принимающих форму т.н. «конфликтов с нулевой суммой». Такие этнополитические и этнотерриториальные конфликты практически никогда не удавалось урегулировать путем паритетного компромиссного соглашения, одинаково удовлетворяющего все стороны. Мировая история последнего столетия практически не знает подобных примеров, кроме совсем уж экзотических случаев, когда конфликты не достигали такого ожесточения, имели малый ареал или же не являлись приоритетными для самих конфликтующих сторон⁷⁹.

Третья подглава посвящена особенностям нынешнего этапа развития Карабахского конфликта и сохраняющегося состояния статус-кво. Она называется **Статус-кво и особенности нынешнего этапа Карабахского конфликта**. В ней отмечается, что реализация политико-дипломатического сдерживания во многом зависит от того, как конфликтующие стороны относятся и оценивают нынешний статус-кво, способствуя его укреплению или же наоборот – стремясь его изменить. Подчеркивается, что понятие статус-кво является одним из ключевых в понимании логики и целей реализации политико-дипломатического сдерживания. Не надо забывать, что «сдерживание – это политика, которая, если она успешна, может только фрустрировать противника, который стремится изменить в свою пользу статус-кво на международной арене... Наиболее существенное достижение, которое может предложить эффективное сдерживание, это время – время, в течение которого некоторые элементы, генерирующие или усугубляющие конфликт, в исторической ситуации утихнут, и тогда сдерживание будет не нужно или, во всяком случае, не будет столь критично для поддержания мира»⁸⁰.

В диссертации отмечается, что статус-кво является одним из ключевых и наиболее используемых терминов, применяемых экспертами и политическими деятелями при оценке ситуации вокруг Карабахского конфликта. Более чем естественно, что статус-кво оценивается ими в соответствии с их политическими пристрастиями. Однако главная характеристика статус-кво, вне зависимости от его оценок, в том, что в обозримой перспективе он попросту неизбежен и безальтернативен. Поскольку статус-кво всего лишь отражает сложный внешний и внутренний военный, политический, экономический и иного рода баланса сил. Ничего лучшего ни международное сообщество, ни сами конфликтующие стороны с их неготовностью к взаимным уступкам (и неспособностью существенно изменить баланс сил) предложить не могут.

⁷⁹ Например, классическим этнотерриториальным спором, получившим компромиссное решение, явился вопрос Триеста, разделенного между Италией и бывшей Югославией после Второй мировой войны; впрочем, вопрос о создании непризнанного государства там не стоял.

⁸⁰ George, Alexander, Smoke, Richard, *Deterrence in American Foreign Policy*, New York: Columbia University Press, 1974, p.5.

Четвертая подглава озаглавлена **Политико-дипломатическое сдерживание и стратегии конфликтующих сторон применительно к статус-кво**. В данной подглаве особо детально анализируются невоенные элементы стратегии Азербайджана по реализации его политики принуждения, направленной на изменение статус-кво. В ней также рассматривается взаимодействие азербайджанской стратегии принуждения (или «силовой дипломатии») с армянской стратегией сдерживания, роль коммуникационной блокады со стороны Азербайджана (и поддерживающей его Турции) в контексте Карабахского конфликта, значимость и пределы энергетического фактора, как основного политического и даже силового ресурса Азербайджана.

Подробно показываются также составные элементы подходов армянских сторон, лежащие в основе политико-дипломатического сдерживания, реализуемого Арменией и Нагорным Карабахом. В частности, рассматривается роль армянского внешнеполитического «комплиментаризма», фактор Диаспоры, действия Армении на т.н. «турецком векторе».

В свою очередь, основными элементами в политико-дипломатическом сдерживании со стороны Нагорного Карабаха выступают асимметричность военной составляющей конфликта, положительная для НКР роль временного фактора и динамики суверенизации де-факто государств в мировой практике, приоритетное использование фактора безопасности карабахской стороной в политических разностях вокруг переговорного процесса.

В пятой подглаве – **«Коллективное осевое сдерживание» и переговорный формат Минской группы ОБСЕ** рассматривается сохраняющийся переговорный формат в рамках Минской группы ОБСЕ, в том числе, в контексте реализации концепции т.н. «осевого сдерживания» в поддержании режима перемирия в зоне Карабахского конфликта со стороны внешних акторов.

Отмечается, что сохраняющийся переговорный формат Минской групп ОБСЕ выступает одним из ключевых факторов, способствующих сохранению хрупкого, но весьма долговечного перемирия в зоне Карабахского конфликта. Наряду с посреднической деятельностью, которая в вопросе достижения окончательного урегулирования пока еще не привела к существенному результату, формат Минской группы играет также и важную сдерживающую роль. Функции МГ полностью укладываются в концепцию т.н. «коллективного осевого сдерживания», когда в силу возможностей и ресурсов в первую очередь ее сопредседателей, а также военной, политической, экономической и иной зависимости конфликтующих сторон она играет роль ограничителя возобновления боевых действий.

При этом следует отметить одну важную особенность «осевого сдерживания» применительно к деятельности МГ ОБСЕ, которая, на первый взгляд, является ее уязвимой стороной и за которую эта структура зачастую подвергается критике, как неспособная эффективно сдерживать угрозы войны. Нежелание Минской группы выступать с более резкой критикой угроз возобновления боевых действий, в основном раздающихся со стороны

Азербайджана, зачастую интерпретируется как показатель неспособности (или неготовности) обеспечить устойчивость режима сохранения перемирия. Однако если в других видах сдерживания четкая демонстрация решимости выполнить обязательства и гарантии безопасности является необходимым условием реализации эффективного сдерживания, то концептуальные особенности «осевого сдерживания» требуют обратного поведения. Неопределенность и двойственность обязательств и возможного поведения «осевой стороны» в случае возникновения конфликта являются одним из необходимых условий реализации «осевого сдерживания». Рычаги влияния «осевой стороны» в первую очередь исходят из того факта, что она «имеет лучшие отношения с противостоящими сторонами, чем они имеют между собой»⁸¹.

Ресурс влияния «осевой стороны» во многом именно в том и заключается, что создает у конфликтующих сторон постоянное подозрение и впечатление, что «осевая сторона» исполнит свою угрозу и встанет на сторону другой в случае инициирования конфликта. И в этом плане демонстрация определенного уровня неопределенности является зачастую более действенным рычагом сдерживания вероятного агрессора, чем заранее декларированные обязательства и гарантии в отношении той или иной стороны конфликта. В конце концов, кроме всего прочего, это может также затруднить выполнение МГ другой, официально декларируемой посреднической функции в соответствии с ее мандатом – содействовать сторонам в достижении окончательного урегулирования Карабахского конфликта.

Наконец, в конце третьей главы даются ее **Основные выводы**. Отмечается, что стратегии политического поведения и имеющиеся для их реализации политические, экономические, военные и иные ресурсы сторон Карабахского конфликта находятся в весьма сложном и комплексном взаимодействии. Свою роль играет также многоуровневое вовлечение в переговорный процесс внешних акторов и стран-посредников, что также берется в расчет и используется конфликтующими сторонами для упрочения собственных позиций и подходов.

За почти четверть века активной фазы Карабахского конфликта в регионе Южного Кавказа сложился очень хрупкий, но одновременно – очень сложный и многоуровневый баланс интересов, политических ресурсов и военных потенциалов сторон. С одной стороны, он не позволяет добиться коренного прорыва в переговорном процессе по урегулированию данного этнополитического конфликта. Однако, с другой стороны – также не позволяет конфликту скатиться к очередному раунду возобновления боевых действий, ввиду реализации, как армянскими сторонами, так и большинством вовлеченных внешних акторов (в первую очередь – сопредседателями

⁸¹ Crawford, Timothy, *Pivotal Deterrence: Third-Party Statecraft and the Pursuit of Peace*, Ithaca: Cornell University Press, 2003, p.12.

Минской группой ОБСЕ) различных видов политико-дипломатического сдерживания.

Как результат, Карабахский конфликт продолжает оставаться ключевым конфликтом на всем Южном Кавказе, влияющим на рамки региональных процессов и динамику взаимоотношений между глобальными и региональными акторами. Ресурсы и интересы самих конфликтующих сторон и вовлеченных в процесс мирного урегулирования внешних акторов тесно переплетаются и одновременно вступают в противоречие, что отдалает урегулирование Карабахского конфликта в обозримой перспективе. Однако сохраняющийся в результате реализации политико-дипломатического сдерживания статус-кво (как политическая неизбежность и одновременно – как «лучший из худших вариантов») и продолжающийся на этом фоне переговорный процесс дают некоторую надежду на достижение долгосрочного мира и устойчивой региональной безопасности на Южном Кавказе в более долгосрочной перспективе.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ приводятся основные результаты и сформулированы обобщающие выводы диссертации. Отмечается, как точно подметил один из военных историков, что «сдерживание старо, как страх»⁸². Однако целостная концептуализация сдерживания в политической науке и военно-стратегических исследованиях пришла лишь на 1950-е гг., когда стало набирать обороты активное биполярное противостояние ядерных сверхдержав. В настоящее время теория сдерживания является одной из наиболее разработанных научных концепций в современной политической науке, научно-аналитических работах в сфере безопасности и военно-стратегических исследований. Сдерживание продолжает совершенствоваться и развиваться, а многочисленными учеными-политологами и экспертами в данной сфере продолжают поиски новых концепций и подходов, способствующих модернизации и приспособлению теории и практики сдерживания к новым политическим реалиям.

В период Холодной войны теория сдерживания была нацелена преимущественно на проблемы ядерного сдерживания в контексте глобального противостояния двух ядерных сверхдержав и двух противостоящих военно-политических блоков – НАТО и ОВД. Однако уже примерно с середины 1970-х гг. наблюдается ее большее распространение, как научно-практической концепции, также на проблемы регионального уровня, при рассмотрении военно-политических взаимоотношений между собой государств со сравнительно более скромными военными ресурсами, и в контексте применения при реализации сдерживания потенциала обычных вооружений (конвенциональное сдерживание). Уже к концу Холодной войны тематика конвенционального сдерживания, имея глубокие исторические корни, полностью закрепила свои позиции в рамках «общей» теории

⁸² Overy, Richard, "Air Power and the Origins of Deterrence Theory Before 1939", *Journal of Strategic Studies*, Vol. 15, No1, March, 1994, p.73.

сдерживания. В настоящее время конвенциональное сдерживание продолжает активно развиваться и совершенствоваться, в том числе применительно к практическому анализу ситуаций в региональных конфликтах локального уровня.

Кроме военно-силового сдерживания, в англоязычной политической науке в 1970-80-х гг. стала получать все большее развитие также теория политико-дипломатического сдерживания, с большим использованием по сути своей невоенных методов в качестве ресурса и рычага политического убеждения (разубеждения) противостоящих и соперничающих государств и военно-политических блоков. Синтез концепций широко распространенного в годы Холодной войны «сдерживания путем ограничения» (*containment*), разработанных на рубеже 1970-80-х гг. концепций «общего» сдерживания и «силовой дипломатии» (*coercive diplomacy*), более поздней концепции (начало 2000-х гг.) «осевого» сдерживания и других подобного рода разновидностей формально невоенного (или с не преобладающим упором на военную составляющую) сдерживания позволяет в настоящее время выделять политико-дипломатическое сдерживание как одну из наиболее широких разновидностей сдерживания.

Исходя из вышеуказанного, в диссертации выдвигаются и обосновываются следующие основные положения:

- Сдерживание подтвердило свою действенность во многих локальных конфликтах последних десятилетий, выступая как достаточно эффективный инструмент сохранения региональной безопасности и стабильности. На примере ретроспективного сравнительного анализа многих региональных этнополитических и этнотерриториальных конфликтов можно сделать вывод о возможности теоретического просеивания и практического использования и практической реализации политики конвенционального сдерживания в Карабахском конфликте.
- Как свидетельствуют заявления военно-политического руководства Армении, конвенциональное сдерживание в последние годы приобретает возрастающее значение в долгосрочном военно-политическом планировании армянских вооруженных сил, обеспечивая, по словам министра обороны С.Оганяна, «принуждение к миру» вероятного инициатора возобновления боевых действий⁸³. При этом, как отмечает начальник Главного Штаба ВС Армении генерал-полковник Ю.Хачатуров, развитие средств стратегического сдерживания является также одним из приоритетных направлений реформирования войсковой структуры Армении, т.к. «на современном этапе с точки зрения обеспечения оборонной безопасности РА военное сдерживание считается важнейшим и

⁸³ Министр обороны Армении подчеркнул необходимость продолжения политики ВС по принуждению к миру, <http://www.regnum.ru/news/1339182.html>, 23.10.2010.

актуальным вопросом. То есть вероятному противнику должно быть ясно, что в случае нападения на нас он понесет несравнимо большие потери, чем ожидаемые в случае военной агрессии приобретения (неприемлемые потери)⁸⁴.

- Детальный военно-политический анализ *сдерживания наказанием* в ситуации Карабахского конфликта показывает, что он обладает очень важной и очевидной сдерживающей ценностью, особенно учитывая особую чувствительность Азербайджана к ударам возмездия по его энергетической инфраструктуре. Очевидно, что в случае уничтожения многих объектов азербайджанской нефтегазовой промышленной инфраструктуры, впоследствии на многие годы иностранные компании вряд ли решатся на их восстановление и дальнейшее инвестирование миллиардных энергетических проектов в Азербайджане. Вместе с тем, *сдерживание наказанием* не обеспечивает абсолютной гарантии армянским сторонам по недопущению боевых действий, что во многом обусловлено особенностями конвенционального сдерживания. Поражающая мощь обычных вооружений, в отличие от ядерного сдерживания, всегда оставляет сомнения у сдерживаемого, который может в некоторых ситуациях не рассчитать последствия и поддаться «искушению» и предположить, что его возможные потери от ударов возмездия сдерживающей стороны потери не будут для него «неприемлемыми».
- Учитывая особенности возможного характера боевых действий в зоне Карабахского конфликта в случае его возобновления, сравнительный анализ качественно-количественных потенциалов сторон (военно-технического баланса), наступательных и оборонительных возможностей, географической конфигурации линии фронта и концептуально-доктринальных подходов сторон по ведению боевых действий, *сдерживание лишением* предлагает большие гарантии армянским сторонам по реализации конвенционального сдерживания в Карабахском конфликте. Однако это не значит, что армянские стороны должны противопоставлять эти две разновидности военного сдерживания друг другу. Наоборот, эффективная и гарантированная реализация конвенционального сдерживания предполагает эффективное комбинирование обеих разновидностей, дополняющих и поддерживающих друг друга. К примеру, имеющийся военно-технический потенциал *сдерживания наказанием* может сыграть очень существенную роль по усилению более масштабной и более сложной реализации армянскими сторонами *стратегии лишения*, в частности, при осуществлении

⁸⁴ *Խաչատրյանի, Յու.Գ., «Զորային կառույցի բարեփոխումները՝ որպես ՀՀ պաշտպանական բարեփոխումների գերակա խնդիր», «Հայկական բանակ», 2011, հվ. 1-2, էջ. 19:*

оборонительной операции оперативного масштаба. В частности, превентивное использование потенциала дальнебойных средств огневого поражения, в том числе ОТРК, ТРК и крупнокалиберных РСЗО может быть особо эффективно для предотвращения массированного использования средств воздушного и ракетно-артиллерийского нападения противником в начальный, оборонительный, период боевых действий. С другой стороны, также ничего не мешает использовать военный потенциал, предназначенный для ведения «классических» боевых действий, т.е. рассматриваемый в контексте *сдерживания лишением*, например, тяжелую ствольную артиллерию, а также РСЗО среднего калибра, в качестве одного из элементов *сдерживания наказанием*⁸⁵.

- В Карабахском конфликте конвенциональное сдерживание может (и должно) реализовываться, для достижения максимального практического эффекта, в тесной связи и синтезе с различными видами политико-дипломатического сдерживания. Это связано как с концептуальными особенностями политико-дипломатического сдерживания, так и некоторыми специфическими параметрами Карабахского конфликта. Сохранение хрупкого перемирия в зоне Карабахского конфликта во многом также обусловлено форматом международного вовлечения и позиции влиятельных внешних акторов (например, в формате Минской группы ОБСЕ), позволяющих использовать эти факторы в качестве составных элементов реализации политико-дипломатического сдерживания армянскими сторонами. Исходя из этого, политико-дипломатическое сдерживание в Карабахском конфликте имеет довольно сложную и многоуровневую систему реализации. Например, это может проявляться в виде политических аспектов «расширенного сдерживания» или вовлеченности влиятельных внешних акторов в рамках концепции «осевого сдерживания».
- Несмотря на успешно реализуемую армянскими сторонами политику сдерживания, она требует дальнейшего научно-теоретического изучения и терминологического совершенствования, с целью ее более эффективного практического внедрения. Надо также учитывать, что отражение имеющегося военно-технического потенциала и четкая демонстрация готовности к проявлению необходимой политической воли по сдерживанию вероятного противника в военных доктринах и концептуальных документах в сфере национальной безопасности многих государств является одним из необходимых условий по эффективной реализации вышеупомянутой политики сдерживания. Поэтому дальнейшее

⁸⁵ Stone, John, "Conventional Deterrence and the Challenge of Credibility", *Contemporary Security Policy*, Vol.33, No1, April, 2012, p.109.

научно-теоретическое углубление в проблематику сдерживания может создать реальные предпосылки для ее практического отражения при разработке новой (или пересмотра имеющейся) Военной доктрины Республики Армения. Она должна соответствовать «классическому» определению военной доктрины по сдерживанию вероятного противника – недвусмысленной демонстрации наличия потенциала и решимости наказать агрессора и повысить все его возможные издержки и потери от развязывания боевых действий, без какой либо увязки со своими собственными потерями при реализации сдерживания⁸⁶.

- Необходима дальнейшая научно-теоретическая разработка тематики сдерживания, с целью лучшей информированности соответствующих органов, осуществляющих практическую деятельность в сфере внешней и военной политики. Более глубокая научно-теоретическая разработка тематики сдерживания, в том числе с учетом практики двух десятилетий ее фактической реализации в ситуации Карабахского конфликта, необходима также при подготовке важнейших концептуальных документов, эффективной научно-аналитической и организационно-управленческой деятельности в сфере безопасности, внешней и военной политики в Республике Армения и Нагорно-Карабахской Республике.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ АВТОРА:

МОНОГРАФИИ И НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

1. Искандарян А., Минасян С., «Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №1, Ереван, январь, 2010, (на рус. и англ. языках), 59 с.;
2. Минасян С., «Нагорный Карабах после двух десятилетий конфликта: неизбежная пролонгация статус-кво?», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №2, Ереван, август, 2010, (на рус. и англ. языках), 80 с.;
3. Дериглазова Л., Минасян С., «Нагорный Карабах: парадоксы силы и слабости в асимметричном конфликте», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №3, Ереван, январь, 2011, (на рус. и англ. языках), 128 с.

⁸⁶ Posen, Barry R., *The Sources of Military Doctrine: France, Britain and Germany Between the World Wars*, Cornell University Press: Ithaca and London, 1984, p.14.

СТАТЬИ

На армянском языке

1. Մինասյան Ս.Ս., «Ռազմական գապման և քաղաքական սաստման քաղաքականությունը Ղարաբաղյան հակամարտության համատեքստում», *Հայկական Բանակ*, № 4, 2011, էջ.72-81;
2. Մինասյան Ս.Ս., «'Ընդհանուր' և 'իրավիճակային' գապումը Ղարաբաղյան հակամարտությունում», *Հայկական Բանակ, Աշխատանքային տեղերը*, №1-2, 2012, էջ.144-162.

На русском языке

1. Минасян С., «Формирование системы коллективной безопасности СНГ», *Центральная Азия и Кавказ*, №1, 2003, сс.151-158;
2. Минасян С., «Развитие вооруженных сил государств Южного Кавказа и проблемы контроля над вооружениями в регионе», *Новая Евразия: Россия и страны ближнего зарубежья. Российский институт стратегических исследований*, №16, Москва, 2004, сс.100-154;
3. Минасян С., «Южный Кавказ: Проблемы ограничения и контроля над вооружениями», *Южный Кавказ: Проблемы региональной безопасности и интеграции* (сборник научных статей), Т.1, №1, Научно-исследовательский Центр проблем региональной безопасности и интеграции Южного Кавказа, Ереван: РАУ, 2004, сс.11-38;
4. Минасян С., «Милитаризация Южного Кавказа и развитие вооруженных сил государств региона», *21 Дар (XXI век)*, №4 (6), 2004, сс.27-59;
5. Минасян С., «Военно-политическое сотрудничество России и Армении в контексте проблем региональной безопасности Южного Кавказа», *Вестник Воронежского государственного университета: серия гуманитарные науки*, Воронеж, №1, 2005, сс.338-349;
6. Минасян С., «Некоторые военно-технические аспекты региональной безопасности Южного Кавказа: проблемы ограничения и контроля над вооружениями и военной деятельностью», *Кавказский сборник*, Т.2 (34), МГИМО (Университет) МИД России: М., 2005, сс.292-328;
7. Минасян С., «Мировой опыт принятия концепций национальной безопасности», *21-й Век*, №3(13), 2006, сс.78-111;
8. Минасян С., «Проблемы региональной безопасности и военно-политическая ситуация на Южном Кавказе в 2006 г.: гонка вооружений и баланс угроз», *Кавказ-2006. Ежегодник Кавказского Института СМИ*, Ереван, 2008, сс.169-189;
9. Минасян С., «Мораторий на ДОВСЕ и Южный Кавказ: Региональное эхо большой политики», *Россия в глобальной политике*, №3, Май – Июнь 2008, сс.143-152;
10. Минасян С., «Особенности «Карабахской стратегии» Азербайджана: политика «периферийных» действий, нефтяные ресурсы и гонка вооружений», *21-й Век*, №2, 2008, сс.31-58;

11. Минасян С., «Армения в Карабахе, Карабах в Армении (карабахский фактор во внешней и внутренней политике Армении)», *Кавказское соседство: Турция и Южный Кавказ*, Ереван, 2008, сс.71-83;
12. Минасян С., «Военно-политические уроки «Пятидневной войны»», *21-й Век*, №1, 2009, сс.53-75;
13. Минасян С., «Проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе в 2007 г.: военный баланс и асимметрия политических стратегий», *Кавказ-2007. Ежегодник Института Кавказа*, Ереван, 2009, сс.111-127;
14. Минасян С., «Нефтяной фактор и политика Азербайджана в карабахском конфликте», *Внешиеполитические аспекты карабахского конфликта. Аналитические записки Института политических исследований при Администрации Президента РА*, №3. Ер, 2009, сс.96-105;
15. Минасян С., «Военно-политические аспекты карабахского конфликта на современном этапе», *Аналитические записки Института политических исследований при Администрации Президента РА*, №3. Ер, 2009, сс.132-155;
16. Минасян С., «Подходы региональных и глобальных акторов в карабахском конфликте», *21-й Век*, №1, 2010, сс.3-22;
17. Минасян С., ««Пятидневная война» августа 2008 г.: военно-политический анализ», *Кавказ – 2008: Ежегодник Института Кавказа*, Ер., 2010, сс.106-153;
18. Минасян С., «Проблемы региональной безопасности на Южном Кавказе в 2009 г.: переходный год с неопределенными результатами». *Кавказ – 2009. Ежегодник Института Кавказа*, Ереван, 2011, сс.112-125;
19. Минасян С., «ОДКБ и Южный Кавказ: Актуальные проблемы стабильности и региональной безопасности», *Рабочие тетради (Приложение к Военно-научному журналу «Армянская армия» Института национальных стратегических исследований им. Д.Канаяна Министерства обороны Республики Армения)*, №1-2, 2011, сс.85-92;
20. Минасян С., «Нагорный Карабах: статус-кво как неизбежность сохранения региональной безопасности Южного Кавказа», *Черноморье – Каспий: поиск новых форматов безопасности и сотрудничества*. Российская Академия Наук, Институт Европы, М., 2011, сс.170-192;
21. Минасян С., «Три года без войны: Послевоенная нестабильность или Новый status quo в регионе Южного Кавказа?», *Свободная мысль*, №9, 2011, сс.19-32;
22. Минасян С., «Поиск стабильности в Карабахском конфликте: между конвенциональным «устрашением» и политическим сдерживанием», *Россия в глобальной политике*, Т.10, №1, январь – февраль, 2012, сс.142-153;
23. Минасян С., «Региональная безопасность на Южном Кавказе – 2010: год несбывшихся надежд и нереализованных опасений», *Кавказ-2010: Ежегодник Института Кавказа*, Ереван, 2012, сс.104-119;
24. Минасян С., «Силовая политика в Карабахском конфликте: дихотомия сдерживания и принуждения», *21-й Век*, №3, 2012, сс.25-52;
25. Минасян С., «Дареному танку в дуло не смотрят. Содержание важнее формы: Зачем Армении ОДКБ?», *Россия в глобальной политике*, Т.10, №6, Ноябрь-Декабрь 2012, сс.170-178;
26. Минасян С., «Концептуальные аспекты конвенционального сдерживания (на примере Карабахской проблемы)», *Пути к миру и безопасности, ИММО РАН*, №2 (43), ноябрь 2012, сс.46-59;
27. Минасян С., «Внешняя политика постсоветской Армении: 20 лет одновременно на нескольких стульях», *Мировая экономика и международные отношения, ИММО РАН*, №1, 2013, сс.85-92;
28. Минасян С., «Региональная безопасность на Южном Кавказе в 2011 г.: Ожидаемая пауза?», *Кавказ-2011: Ежегодник Института Кавказа*, Ереван, 2013, сс.134 - 145;
29. Минасян С., «Развитие теории конвенционального сдерживания в современной политической науке», *Вестник Томского Государственного Университета, Серия: История*, №371, Июнь, 2013, сс.114-119;
30. Минасян С., «ОДКБ и концепция «расширенного сдерживания» в Карабахском конфликте», *21-й Век*, №3, 2013, сс.68-84.

На английском языке

1. Minasyan, Sergey, "Prospects for Normalization between Armenia and Turkey: A View from Yerevan", *Insight Turkey*, Vol.12, No2, 2010, pp.21-30;
2. Minasyan, Sergey, "The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment", *PONARS Eurasia Policy Memo. The George Washington University*, PONARS Eurasia Policy Conference, Washington, D.C., No188, September 2011, pp.140-144;
3. Iskandaryan, Alexander, Minasyan, Sergey, "Armenia: Managing New Opportunities for Regional Integration", *Reassessing Security in the South Caucasus: Regional Conflicts and Transformation*, Ashgate, Farnham Surrey, England, 2011, pp.91-103;
4. Minasyan, Sergey, "Armenia in Karabakh, Karabakh in Armenia: Living with a Conflict", *Identities, Ideologies & Institutions. A Decade of Insight into the Caucasus, 2001 - 2011*. Caucasus Institute, Yerevan, 2011, pp.142-152;
5. Minasyan, Sergey, "Foreign and Security Policy of Armenia: 'Complementarism' and 'Pragmatism'", *Security and Development in a Complex Policy Environment: Perspectives from Moldova, Armenia, Tajikistan and Kazakhstan*, TAPRI, CI, ICSRД: Tampere – Yerevan, 2012, pp.60-93.

6. Minasyan, Sergey, "Domestic Dimensions of Armenia's Foreign Policy: The Karabakh Conflict and Armenia-Turkey Relations", *PONARS Eurasia Policy Memo*, Washington, D.C., No209, June 2012, pp.1-5;
7. Minasyan, Sergey, "Evaluating Multi-Vectorism in the Foreign Policy of Post-Soviet States", *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, Vol.20, No3, Summer, 2012, pp.268-273;
8. Minasyan, Sergey, "Coercion in Action: Deterrence and Compellence in the Nagorno-Karabakh Conflict", *PONARS Eurasia Policy Memo, The George Washington University*, PONARS Eurasia Policy Conference, Washington, D.C., No242, September 2012, pp.160-164;
9. Minasyan, Sergey, "Russian-Armenian Relations: Affection or Pragmatism?" *Ambiguous Relations: Russia's Post-Soviet Neighborhood*, *PONARS Eurasia Policy Perspectives*, Washington, D.C., August 2013, pp.38-41.

На испанском языке

1. Minasyan, Sergey, "Algunas lecciones de la "Guerra de los Cinco Dias", para el Caucaso del Sur", *Cuadernos de Actualidad en Defensa Y Estrategia*, Ministerio de Defensa la de la Argentina, #1, 2008, pp.27-33.

На французском языке

1. Minassian, Serguei, "Le Haut-Karabakh: le statut quo est-il inevitable pour preserver la security regionale dans le Caucase du Dud?", *Artsakh (Le Haut-Karabakh), Au service de la paix et de la securite regionale, Une publication de L'Institut Tchobanyan dans la Collection Vie Politique*, Monts: SIGEST, 2011, pp.21-45.

ՄԵՐԳԵՑ ՄԱՍԻԿՈՆԻ ՄԻՆԱՍՅԱՆ

ԶՄՊՈՒՄԸ ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ

ԻԳ.00.04 – ‘Միջազգային հարաբերություններ’ մասնագիտությամբ քաղաքական գիտությունների դոկտորի գիտական աստիճանի հայցման սեղմագիր

Ատենախոսության պաշտպանությունը կայանալու է 2013թ. սեպտեմբերի 30-ին ժամը 15:00-ին ՀՀ ՊՆ Դրաստամատ Կանայանի անվան ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտում գործող ՀՀ ԲՈՆ-ի 056 մասնագիտական խորհրդի նիստում (0037, ք. Երևան, Կ. Ուլնեցու 56/6)

ԱՍՓՈՓՈՒՄ

Ատենախոսության նպատակը Ղարաբաղյան հակամարտությունում զսպման քաղաքականության գործնական իրականացման գիտական և տեսական վերլուծությունն է: Հետազոտության մեջ քննարկվում են Հայաստանի և Լեռնային Ղարաբաղի կողմից զսպման իրականացման ներկա վիճակն ու հեռանկարները՝ սանձազերծելու ռազմական գործողությունների վերսկսումը և ապահովելու տարածաշրջանային անվտանգությունն ու կայունությունը Հարավային Կովկասում:

Ատենախոսությունը քաղաքագիտական և պատմագիտական տեսական և մեթոդաբանական գործիքների սինթեզ է: Այն իր մեջ ներառում է նաև անվտանգային և ռազմավարական հետազոտությունների և ռազմական գիտության առանձին տարրեր: Ատենախոսությունը, ժամանակագրական առումով, ընդգրկում է 1990-ականների առաջին կեսից մինչև 2013թ., մինչև ժամանակ ներկայացնելով զսպման իրականացման համեմատական վերլուծություն՝ հիմնված ավելի վաղ ժամանակագրական շրջանի ռազմաքաղաքական իրադարձությունների բազմաթիվ օրինակների վրա:

Աշխատանքը Ղարաբաղյան հակամարտությունում զսպման համակարգված գիտական հետազոտության կիրառման առաջին փորձն է: Առաջին անգամ, զսպման տեսության շրջանակներում, համգամանալի քննարկվում և տարբեր տեսական մոտեցումներ են նախագծվում Ղարաբաղյան հակամարտության իրավիճակի և Հարավային Կովկասում տարածաշրջանային անվտանգության համատեքստում: Աշխատանքն

ունի գործնական նշանակություն՝ հաշվի առնելով Լեռնային Ղարաբաղի հակամարտության շուրջ ստեղծված ռազմաքաղաքական իրավիճակի ներկա փուլը:

Ատենախոսությունը բաղկացած է ներածությունից, աշխատանքի ընդհանուր բնութագրից, երեք գլուխներից, եզրակացությունից, օգտագործված աղբյուրների և գրականության ցանկից, ինչպես նաև հավելվածներից: Ատենախոսության ընդհանուր ծավալը 240 էջ է:

ՆԵՐԱԾՈՒԹՅԱՆ ԵՎ ԱՇԽԱՏԱՆՔԻ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ ԲՆՈՒԹԱԳՐԻ մեջ հիմնավորված է ատենախոսական աշխատանքի արդիականությունը, դրա հիմնական նպատակներն ու խնդիրները, աղբյուրների բնութագրերը, թեմայի գիտական ուսումնասիրվածության աստիճանը և գիտական նորարարությունն ու գործնական նշանակությունը: Ներկայացված են նաև ուսումնասիրության տեսական և մեթոդաբանական հիմքերը, ժամանակագրական սահմանները, ցուցադրված են ատենախոսության հիմնական դրույթները, որոնք և ներկայացված են պաշտպանության:

Առաջին գլխում, (ՍՈՎՈՐԱԿԱՆ ՄՊԱՌԱԶԻՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՌԻՔՄԱՔԱԿԱՆ-ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԶՄՊՄԱՆ ՏԵՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ) ներկայացված են զսպման ժամանակակից տեսության հիմունքներն ու բաղադրիչները՝ անվտանգային հետազոտությունների և միջազգային հարաբերությունների տեսության ընդհանուր կառուցվածքում:

Ատենախոսական աշխատանքի երկրորդ գլուխը կոչվում է ՍՈՎՈՐԱԿԱՆ ՄՊԱՌԱԶԻՆՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԻՋՈՑՈՎ ՌԱԶՄԱՔԱԿԱՆ ԶՄՊՈՒՄԸ ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻՄ: Այն ուսումնասիրում է Ղարաբաղյան հակամարտությունում ռազմաքաղաքական զսպման ներկա վիճակն ու հեռանկարները՝ հիմնվելով հակամարտության գոտում ներկա քաղաքական և ռազմական իրավիճակի վերլուծության, ինչպես նաև համանման էթնո - քաղաքական և միջպետական հակամարտությունների համաշխարհային գործնական առկա փորձի ու տեսական հիմքերի վրա:

Ատենախոսության երրորդ գլուխը կոչվում է ՔՄՂԱՔԱԿԱՆ - ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԶՄՊՈՒՄԸ ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ՀԱԿԱՄԱՐՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻՄ: Այս գլխում ներկայացված է քաղաքական-դիվանագիտական զսպման տրամաբանությունը, մասնավորապես գոյություն ունեցող status quo-ն ու նրան առնչվող հակամարտող կողմերի ռազմավարությունները: Ներկայացված է նաև պահպանվող բանակցային ձևաչափը ԵԱՀԿ Մինսկի խմբի շրջանակներում: Դիտարկված է արտաքին դերակատարների կողմից այսպես կոչված «Մոնու զսպման» հայեցակարգի իրականացման դերը հակամարտության գոտում պահպանվող հրադադարի ռեժիմի համատեքստում:

ԵԶՐԱԿԱՑՈՒԹՅԱՆ մեջ ամփոփված են հիմնական արդյունքներն ու ձևակերպված են ատենախոսության ընդհանուր եզրահանգումները:

Ուսումնասիրության հիմնական դրույթները և գիտական եզրակացությունները ներկայացվել և հիմնավորվել են հեղինակի՝ 2004-2013թթ. ընթացքում Հայաստանում, Լեռնային Ղարաբաղում, Վրաստանում, Ռուսաստանում, ԱՄՆ-ում, Ֆրանսիայում, Բելգիայում, Իսպանիայում, Թուրքիայում, Ֆինլանդիայում, Էստոնիայում, Լեհաստանում, Շվեյցարիայում, Ղազախստանում, Ղրղզստանում կայացած տասնյակ միջազգային գիտական և գործնական կոնֆերանսների և սեմինարների, ինչպես նաև Միացյալ Նահանգներում, Ֆինլանդիայում և Ռուսաստանում տեղի ունեցած գիտական փոխանակման ծրագրերի, փորձաշրջանների և երկարաժամկետ գիտական գործուղումների ընթացքում: Ատենախոսության նախնական պաշտպանությունը տեղի է ունեցել ՀՀ ՊՆ Դրաստամատ Կանայանի անվան Ազգային ռազմավարական հետազոտությունների ինստիտուտում 2013թ. մայիսի 17-ին:

Ուսումնասիրվող թեմայի շրջանակներում հեղինակը հրատարակել է 3 մենագրություն ու գիտա-վերլուծական զեկույց (2 որպես համահեղինակ), և ավելի քան 40 գիտական հոդվածներ (1 որպես համահեղինակ), Հայաստանի և Ռուսաստանի Բարձրագույն որակավորման հանձնաժողովների կողմից առաջարկվող առաջատար գիտական ամսագրերում (ռուսերեն և հայերեն), ինչպես նաև ռուսերեն, անգլերեն, ֆրանսերեն և իսպաներեն լեզուներով միջազգային ամսագրերում, հոդվածների ժողովածուներում, գիտաժողովների և գիտական սեմինարների նյութերում:

SERGEY MAMIKON MINASYAN

DETERRENCE IN THE KARABAKH CONFLICT

Dissertation under 23.00.04 cipher - "International Relations" (Political Science)
aspiring to earn a Doctoral Degree in Political Science

The public defence of the thesis will held at the session of the Higher Attestation
Commission of Armenia 056 Special Council under the Armenian Defence
Ministry's Drastamat Kanayan Institute for National Strategic Studies at 15:00 on 30
September 2013 (0037, 56/6 K. Ulnezi str, Yerevan, Armenia)

SUMMARY

The aim of this research thesis is the theoretical scientific study of deterrence and assessment of the feasibility of its practical application in the conflict over Nagorno-Karabakh. The thesis addresses to the current stage and perspectives for application of deterrence by Armenia and Nagorno-Karabakh in order to prevent the resumption of hostilities and to maintain regional security and stability in the South Caucasus.

The thesis is a multidisciplinary study that combines the use of theoretical and methodological tools of political science and history, as well as some elements of strategic studies and military science. The chronological framework of this thesis embrace the interval from the first half of the 1990s until 2013, however, the study also includes a comparative analysis of the practice of deterrence based on numerous military and political case studies from the earlier chronological period.

The thesis represents the first attempt of systematic scientific study of deterrence with respect to the Karabakh conflict. For the first time, various theoretical approaches and paradigms that exist in the framework of the deterrence theory are analyzed in detail and applied to the situation around the Karabakh conflict and regional security in the South Caucasus. The subject of the thesis has practical significance taking into account the current military-political situation over the Karabakh conflict.

The thesis consists of an introduction and general characteristics, three chapters, conclusion, list of sources and literature, and annexes. The number of pages in the thesis is 242.

The INTRODUCTION AND GENERAL CHARACTERISTICS section substantiates the relevance of the thesis, its main goals and objectives, describes the sources it uses and the extent to which the topic has been researched by scholars,

and assesses the scientific novelty and practical significance of the study. This section also lists the theoretical and methodological principles used in the study, its chronological framework and the main provisions of the research to be defended.

The first chapter, THE THEORIES OF CONVENTIONAL AND POLITICO-DIPLOMATIC DETERRENCE examines fundamental provisions and components of the current deterrence theory, including the overall structure of research in the field of security studies and theory of international relations.

The second chapter of the thesis is called CONVENTIONAL MILITARY-POLITICAL DETERRENCE IN THE KARABAKH CONFLICT. It examines the current stage and prospects of conventional military-political deterrence in the Karabakh conflict based upon a thorough analysis of the current military-political situation in the conflict zone and the existing practical experience and theoretical framework of similar case studies of ethno-political and inter-state conflicts in the world.

The third chapter of the thesis is called POLITICO-DIPLOMATIC CONTAINMENT IN THE KARABAKH CONFLICT. It examines the logic of political and diplomatic containment, the parameters of the current status quo and the strategies of the conflicting parties with regard to it. It also examines the negotiation format existing in the framework of the OSCE Minsk Group, looking at it from various angles including in the context of "pivotal deterrence", an approach used by external actors for maintaining the ceasefire in the conflict zone.

The CONCLUSION summarizes the main results and formulates the conclusions of the thesis.

The main provisions and scientific findings of the study were presented by author in 2004-2013 at dozens of international scientific and practical conferences and seminars held in Armenia, Nagorno-Karabakh, Georgia, Russia, the USA, France, Belgium, Spain, Turkey, Finland, Estonia, Poland, Switzerland, Kazakhstan and Kyrgyzstan, as well as in the framework of scholarly exchange programs, internships and long-term scientific visits to the United States, Finland and Russia.

Scientific approbation of the thesis was held at the Armenian Defence Ministry's Drastamat Kanayan Institute for National Strategic Studies on 17 May 2013.

In the framework of the research topic, the author has published 3 monographs and scientific analytical reports (2 of them as a co-author), and more than 40 scientific papers (1 of them as a co-author) in leading scientific journals recommended by the Higher Attestation Commission of Armenia (in Russian and Armenian) and Russia, as well as in international journals, collections of papers and conferences papers in Russian, English, French and Spanish.

